

Сценарные варианты гибкого углубления интеграции в ЕС и механизмы ее обеспечения

– Présent et avenir de l'Union Européenne considérés au moyen des outils juridiques du renforcement de l'intégration

Итоги выборов в Европарламент в мае 2019 года убедительно показали, что население безоговорочно поддерживает европейский проект. Поворота в сторону евроскептиков, популистов и крайне правых не случилось. В первых числах июля своими назначениями на высшие посты в ЕС политические лидеры стран-членов фактически объявили: прежний курс на интеграцию и придание ей большей динамики будет продолжен.

За последнее десятилетие Европейский Союз выковал широчайший арсенал самых разных инструментов и механизмов расширения полномочий интеграционного объединения и его институтов, их укрепления и модернизации и, в целом, углубления интеграции. В настоящее время все они становятся особенно востребованными. ЕС по-прежнему сталкивается с многочисленными вызовами. Но их природа принципиально иная, нежели еще два-три года или год назад. Они всё больше подталкивают ЕС и государства-члены к обновлению интеграционного проекта. У них нет выбора. Любые другие возможные сценарии чреваты для объединения катастрофическими последствиями. ЕС и государства-члены с необходимостью будут делать ставку на его переформатирование и придание ему большей эффективности и конкурентоспособности. Общие контуры перестройки ЕС еще только намечаются. Они будут уточняться и корректироваться. Но инструментарий для реализации абсолютно любого позитивного сценария развития ЕС уже имеется. Вопрос состоит не в том, будет ли он задействован, а в том – как он будет применяться.

Важность объективного анализа происходящего в ЕС и его потенциала

Какими бы тяжелыми и напряженными ни были сейчас наши отношения с Европейским Союзом, он остается нашим соседом по континенту, ведущим политическим и внешнеэкономическим партнером, частью богатейшей цивилизации, к которой мы вместе принадлежим. Поэтому крайне важно выстроить правильную, рациональную, разумную линию в его отношении, которая была бы выгодна нашей стране – государству, обществу, бизнесу и каждому отдельно взятому человеку.

Однако для этого нужно хорошо понимать, что происходит в ЕС, в каком направлении он движется, перед каким выбором стоит, каким потенциалом саморазвития обладает, что от него, в конечном итоге, можно ждать. В отечественной европеистике уделяется большое внимание нескольким ключевым элементам ответа на перечисленные вопросы [Европейские исследования 2017; 30 лет 2017; Громыко 2017].

Много публикаций посвящено анализу кризисных явлений, с которыми столкнулось интеграционное объединение, и перспектив восстановления отношений между Россией и ЕС на

более здоровой прагматичной основе [Громыко 2018; Европа XXI 2017; Современная Европа Ч. I 2017; Современная Европа Ч. II 2017]. Российскими экспертами обстоятельно разбираются различные сценарии эволюции ЕС, в том числе самые негативные, пример которым подает иррациональный выход Великобритании из его состава [Будущее Европы 2018; Kaveshnikov 2016]. Почти все они оперативно реагируют на высказывания и публикации лидеров ЕС, раскрывающих планы, которые вынашивает политическая элита объединения, и новейшие программные документы его институтов. Одним из знаковых в их черед стало открытое письмо президента Франции Эммануэля Макрона, растиражированное европейскими СМИ в начале марта 2019 г., с изложением целостной программы восстановления притягательности европейского проекта, содержательного и институционального укрепления ЕС в преддверии выборов в Европарламент [Emmanuel 2019; Macron 2019].

Вместе с тем, за рамками исследований, проводимых отечественными авторами, очень часто оказывается такой фундаментальный ингредиент ответа, как оценка потенциала и способности ЕС к дальнейшему институционно-правовому движению по пути внутренней консолидации и углубления интеграции. А ведь то, каким правовым инструментарием проведения реформ обладает ЕС, то, какими механизмами повышения эффективности своего собственного функционирования он может воспользоваться уже на настоящий момент, имеют определяющее значение. От них зависит реализуемость любых намерений политической элиты объединения вывести его на принципиально более высокий уровень конкурентоспособности в меняющемся раскладе сил на международной арене.

С учетом последнего развития событий, очень большие сомнения высказываются экспертным сообществом по поводу того, готовы ли политические элиты ЕС приступить к новому этапу совершенствования наднационального регулирования единого внутреннего рынка и пространства внутренней и внешней безопасности [Силаев, Сушенцов 2018]. Но такие сомнения относятся, скорее, к разряду политических спекуляций. Как, впрочем, и те, которые касаются способности ЕС и его государств-членов завершить создание банковского, бюджетного, фискального, энергетического, миграционного союза и заняться их практической, а не только декларативной достройкой политическим и оборонительным союзами.

Очевидно же, что для любого интеграционного рывка вперед должны вызреть соответствующие предпосылки. Их, похоже, появляется всё больше. Более того они превращаются в императивы. Перечислим только несколько. Это (1) накопление диспропорций и нестабильности в мировой политике и экономике, которые чреваты очередным глобальным финансово-экономическим кризисом*1 – «риски с очевидностью усиливаются», предупреждает нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман [Krugman 2019]. Они связаны не столько с преждевременным завершением экономического цикла в евродолларовой зоне, сколько с полной утратой контроля над безбрежным океаном производных ценных бумаг со стороны национальных регуляторов, уточняют его коллеги по профессии [Lepage 2019].

(2) Это растущие угрозы политическим и коммерческим интересам ЕС со стороны всё более мощного и могущественного Китая и других поднимающихся экономик. (3) Жесткая политика давления, проводимая в его отношении бизнес-сообществом США и администрацией президента Дональда Трампа. (4) Глубоко ошибочный выбор в пользу конфронтации со своим

естественным цивилизационным союзником, которым выступает Москва, ослабляющей его в целом ряде отношений [Энтин, Энтина 2018].

Не менее важную роль играет то, способен ли ЕС реализовать курс на усиление черт наднациональности в своем функционировании имеющимся у него в наличии правовым инструментарием. Накопил ли он для этого достаточный арсенал правовых средств и механизмов, которые сможет задействовать в подходящий момент. Дают ли эти средства и механизмы практическую возможность добиться любого желаемого результата. Вот к анализу данного аспекта ответа и хотелось бы подвести читателя, тщательно разобрав сначала в интересах системного изложения остальные его слагаемые.

Перетекание кризисных явлений в политическую сферу или...

В Европейском Союзе практически не осталось стран, которые не испытывали бы состояние политической турбулентности и/или не сталкивались с острейшими проблемами социально-экономического характера. Даже Германия, которая является безусловным лидером ЕС и взяла на себя роль его оплота, распростилась с политической стабильностью [Германия 2018; Европа 2018].

По итогам парламентских выборов классические политические партии не досчитались значительной части голосов. Крупнейшей оппозиционной силой страны, что еще вчера казалось невозможным, стали крайне правые популисты. ХДС длительное время не мог договориться с потенциальными партнерами о составе и программе правительства. Не от хорошей жизни и с большим трудом немецкий истеблишмент сформировал «новую старую» Большую коалицию. Она носит сугубо конъюнктурный и соответственно неустойчивый характер.

Об этом в первой половине лета 2018 г. напомнил внутренний конфликт между сестринскими партиями ХДС и ХСС в правительстве по поводу того, в какой степени ужесточать миграционную политику [Civil war 2018]. Он отбросил тень на весь Евросоюз [Белов 2018]. Таким образом, сама политическая система Германии начала генерировать политическую нестабильность. Германия сильно просела в глазах европейского общественного мнения. Доверие к ее лидерским способностям резко упало.

Осенью глубину эрозии политической власти в Германии продемонстрировали конфликт внутри Большой коалиции вокруг отставки главы Федерального ведомства по защите конституции Масена и неожиданное избрание главой фракции ХДС/ХСС Ральфа Бринкхауса, а не доверенного лица Ангелы Меркель – Фолькера Каудера. В преддверии голосования канцлер Германии публично раскаялась за все просчеты ее правительства, усугубившие конфликт. «Лучше бы принесла свои извинения за беженцев», – откликнулись немецкие СМИ, в том числе влиятельнейшая газета «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». А по поводу результатов выборов журнал «Шпигель» вынес сокрушительный вердикт: «Эрозия политвласти в Германии становится очевидной, так как ее предводители теряют бдительность. Тут следует помнить о крадущейся потере авторитета. Доверие напрочь исчезло, взамен пришло разочарование, гнев» [Эра 2018].

В уникально тяжелом положении находятся правящее большинство и правительство Великобритании. Они терпят поражение сразу на трех фронтах. Во-первых, переговоры о выходе из ЕС на протяжении всего времени велись Лондоном настолько «умело», что ни в Великобритании, ни в ЕС никто толком не понимают, в чем состоят истинные намерения и позиции «Туманного Альбиона». Лишь в июле 2018 г., после того как было напрасно потеряно столько сил, премьер-министр Тереза Мэй, наконец-то, уговорила свое собственное правительство (!) придерживаться единой линии «полуполовинчатого» «Брекзита» [Ананьева 2018]. Однако многостраничный фолиант предложений, подготовленный ее командой, своей «всеядностью» не устроил ни своих, ни Брюссель. Хотя Тереза Мэй, вопреки предупреждениям, и рассылала членов своего кабинета по европейским столицам с наказом попытаться «продать» его [Parker, Giles 2018]. А с кровью вымученный ею проект двустороннего договора между Великобританией и ЕС, регламентирующий выход, был с невиданным треском провален Палатой Общин. (Правда, отдельные комментаторы утверждают: всего лишь потому, что депутаты элементарно не боятся выхода из шатающегося Евросоюза, «которому не дано пережить выборы в Европарламент», и им уже «фиолетово», как он произойдет [D'Orcival 2019]). На выборах в Европарламент своим голосованием электорат высказал негодование проводимой политикой бессмысленного маневрирования. После вынужденного ухода Терезы Мэй в отставку неопределенность только усилилась.

Во-вторых, из правительства, и без того ослабленного предыдущими скандалами, связанными с обманом и некомпетентностью, вопреки договоренности, дезертировали ключевые министры, развернувшие бешеную кампанию дискредитации проводимого им курса [Pickard 2018]. В левоцентристских континентальных изданиях произошедшее до сих пор упоминают как «полный крах» правительства [Katsioulis 2018]. Тереза Мэй в очередной раз доказала, что она неубедительный премьер, плохой стратег и неумелый руководитель – в чем популярные английские СМИ, правда, никогда не сомневались – а правительство не пользуется авторитетом*2. Как указывали социологические опросы, в случае проведения досрочных выборов, чаша весов качнулась бы в сторону лейбористов*3, если бы только не внутренние неурядицы в их стане, выход ряда заметных политических фигур из лейбористской фракции в Палате общин [Seven 2019], ослабляющий позиции Джереми Корбина, и боязнь ассоциируемого с ним левого популизма [They 2019].

В-третьих, свои внутривнутриполитические промахи и неспособность выйти на достойный результат в препирательствах с Брюсселем консерваторы пытаются компенсировать повышенной активностью и воинственностью на внешнеполитическом фронте, в частности по российскому, западно-балканскому, оборонному и некоторым другим досье. Однако, несмотря на поддержку, которую демонстрируют Лондону его союзники по НАТО, это в действительности не прибавляет ему престижа – он «вынужден таскать каштаны из огня для других», к тому же никак не может купировать нарастающие экономические неурядицы*4.

Свой «скелет в шкафу» имеется, по сути, у каждой страны ЕС. Только стенки этого шкафа сделались прозрачными. Во Франции новый консенсус сложился на останках прежней партийно-политической системы в результате ее самоликвидации и разгрома прежде опорных политических структур [Выборы 2017]. Электорат прекрасно понимает, что для экономического и политического возрождения страны необходимо проведение давно назревших структурных реформ. Против прежнего маловразумительного курса народ в

принципе массово проголосовал на президентских, а затем и парламентских выборах. Тем не менее, практические меры, предпринятые президентом Эмманюэлем Макроном и его правительством, поддерживает менее трети населения. (Хотя лично его деятельностью какое-то время были удовлетворены не только 93% поддерживающих созданное им политическое движение, но и 45% сторонников республиканцев и 35% голосующих за социалистов, что оценивалось как редчайший случай в истории Франции – [Macron 2018]). Некоторые из них оказались настолько неудачными, что породили массовое движение протеста, которое некоторые горячие головы поспешили окрестить «возвращением к временам классовой борьбы» [Rouban 2019]. Да и его личный рейтинг сильно просел*5. А вынужденные уступки движению «желтых жилетов» и отложенный эффект санации налоговой системы, по подсчетам Счетной палаты Франции, приведут к тому, что бюджетный дефицит за 2019 г. вновь превысит 3% ВВП – в 2017-2018 гг. находился на допускаемом законодательством ЕС уровне в 2,7% [Vignaud 2019].

Испания вынуждена жить с тлеющим конфликтом в сердце страны – проблема самоопределения Каталонии так же далека от своего решения, как и накануне и после референдума о самоопределении региона, объявленного центральными властями незаконным и неконституционным [Catalan 2019]. Более того, вся внутренняя политика и экономическое развитие страны продолжают находиться под влиянием каталонского кризиса. Как отмечают комментаторы, он непосредственным образом сказывается на политической стабильности, предсказуемости и участвовавшей смене недолговечного правительственного большинства или меньшинства [Orihuela 2019].

В Австрии правые победили лишь потому, что позаимствовали у радикалов и популистов их лозунги и повестку дня и кооптировали во власть крайне правых. Случись подобное еще десятилетие назад, все были бы в шоке, а официальный Брюссель вынужден был бы задуматься о введении повторных санкций против Вены. Сейчас же, ввиду всеобщности тренда, никто даже не обратил особого внимания.

Процедуру введения санкций, зато, запустили против Варшавы. Она не желает больше слепо следовать определенным политическим и цивилизационным решениям, навязываемым Берлином и Брюсселем. Она олицетворяет собой сегодня происходящий в мире общий разворот в сторону консервативного национализма и авторитаризма. Ей же, т.е. правящей консервативной партии Ярослава Качиньского, инкриминировали разрушение основ демократии, отступление от принципа разделения властей и т.д. [Strzelecki, Moskwa 2018] До этого многие годы схожие упреки, но без формальных последствий, раздавались в адрес премьер-министра Венгрии Виктора Орбана. В сентябре 2018 г. Европарламент достаточным большинством решил всё-таки рекомендовать применить ст. 7 к Венгрии. По мнению экспертного сообщества, это стало контрпродуктивной политической демонстрацией. Подготовленный ЕП доклад все оценили как крайне слабый: к нему приложена простая компиляция критических материалов из докладов НПО за весь этот период, и не содержится никаких новых элементов. В ЕС прекрасно знают, что Варшава наложит вето на попытки предпринять что-либо против Будапешта, однако теперь вынуждены продолжать запущенную процедуру [Zalan 2019] и всячески убеждают себя и других, что это во благо [Gall 2019, Kazatchkine 2019]. Кроме того, политическое давление на Венгрию лишь усилило позиции Виктора Орбана и его парламентского большинства внутри страны в преддверии выборов в

Европарламент и дало ему дополнительные аргументы в противостоянии с Брюсселем [Stumpf 2018].

Но наибольший сюрприз всем в ЕС преподнесла Италия. Она сумела сформировать первое в истории ЕС правительство из победивших на выборах популистов и крайне правых. Причем население, до поры до времени, прощает ему и допускаемые промахи, и непоследовательность, и всё еще аховое экономическое положение только по одной причине. Оно считает, что лишь теперь во власть пришли те, кто реально представляют его интересы. Оно убеждено в том, что государственные рычаги взяли в свои руки «свои» в прямом смысле этого слова. А не продажные представители прогнивших элит, номенклатуры и бюрократии. И стержневой человек правительства, лидер Лиги, вице-премьер Маттео Сальвини – вообще «парень из их двора» [Reynolds 2018]*6. Настолько, что по прогнозам Европарламента его партия должна была победить на следующих общенациональных выборах и сформировать в ЕП нового состава чуть ли не самую мощную национальную фракцию после немецкой ХДС – согласно опросам общественного мнения, они должны были получить соответственно 27 и 29 мест [Berretta 2019], что и случилось.

Новая политическая нормальность

На этих нескольких произвольно выбранных, но вполне репрезентативных примерах отчетливо видно, как перерождается партийно-политическая система стран ЕС, и что проблем у них – ворох. Причем абсолютно у всех. Не таких, так других.

Вместе с тем, проблемы эти совсем иные, нежели десять или еще несколько лет назад. Тогда на ЕС и его государства-члены обрушился первый глобальный финансово-экономический кризис, к которому они оказались совершенно неподготовленными. Затем последовали кризис суверенной задолженности и зоны евро, сопровождаемые экономической стагнацией, стремительным ростом безработицы, падением жизненного уровня и обнищанием населения. Они выявили глубинные эндогенные проблемы региона. В их числе – то, что многие европейские страны очень задержались с адаптацией своего общества к требованиям современной экономики; живут не по средствам; финансово несамостоятельны; не в состоянии выбраться из долговой ямы без внешней помощи; утратили конкурентоспособность на своем собственном и внешних рынках; теряют былое влияние на международные дела. Затем по ЕС наотмашь ударил в какой-то степени спровоцированный им самим миграционный кризис, показавший, что и с единством и солидарностью в ЕС не всё в порядке [Тимофеев 2018]*7.

Однако со всеми этими кризисами интеграционному объединению в основном удалось справиться, что вполне убедительно показал в своем ежегодном обращении к ЕС председатель Европейской Комиссии Жан-Клод Юнкер еще в сентябре 2017 г. [State 2017; Entin, Entina 2017]. Одна за другой все или почти все страны ЕС сбалансировали бюджеты, встали на путь осуществления структурных реформ и привели свои расходы в соответствие с доходами. Проведена санация банковской системы. Никто больше не испытывает трудности с работой на открытом финансовом рынке. Включая многострадальную Грецию [Едовина 2018]*8. Повысились внутренняя и внешняя конкурентоспособность.

На профицит внешней торговли вышла даже периферия ЕС. Так, общий профицит в торговле с Соединенными Штатами в пересчете на год составляет кругленькую сумму порядка 145 млрд долл., что сейчас вызывает неприкрытое неудовольствие у американской администрации. Поползла вниз безработица. Наконец, после длительного перерыва появилась возможность поднять заработную плату. Выровнялся потребительский спрос. Пошли инвестиции. В целом, ЕС и его государства-члены добились устойчивого экономического роста и втянулись пусть и в неуверенную, склонную к замедлению [Charrel 2019], может быть, даже укороченную [Perrin 2019], но всё же фазу циклического экономического подъема. (Неуверенную - из-за слабости мировой экономики, тарифной войны между США и Китаем, большой зависимости Германии от экспорта, что вынудило ее снизить прогноз по темпам роста национальной экономики в 2019 г. в два раза [Boutelet 2019], финансовых неурядиц Италии, спонтанной самоорганизации недовольных во Франции и непонятной ситуации с Великобританией [Vignaud 2019]).

Сбил ЕС и захлестнувшую его волну принудительной миграции. Не видеть этого нельзя - хотя для подтверждения своих выводов о том, что «центробежные настроения в Европе нарастают», и «Евросоюз ждут сложные времена», отечественные эксперты стараются [Попов 2019]. Сейчас в ЕС прибывает, вернее, прорывается на порядок меньше беженцев и нелегальных мигрантов, чем на пике миграционного кризиса*9.

Поэтому по состоянию на 2019 год нет оснований утверждать, будто ЕС «тоже клонится к закату», как это продолжают делать многие влиятельные и авторитетные российские и зарубежные эксперты [Мурашов 2018], или находится в зоне риска [Gomart 2019]. Представляется преувеличенным и такой алармистский прогноз: «Дальнейшее ухудшение экономической ситуации в ЕС, усиление финансовых дисбалансов и миграционных проблем, появление новых или возрождение старых очагов сепаратизма, эскалация франко-итальянского политико-дипломатического конфликта, реализация негативного сценария в части «Брекзита» - всё это может спровоцировать масштабный общеевропейский кризис с перспективой перерастания в глобальный экономический кризис» [Спартак 2019].

Но все эти успехи дались странам ЕС дорогой ценой. В большинстве случаев они были достигнуты на горбе народа - за счет снижения доходов, зарплат, пенсий, безопасности и самоощущения среднего класса, включая мелкую буржуазию и государственных служащих, и малоимущих слоев населения и урезания социальных пособий и программ*10. «Во многих странах ЕС неравенство в зарплате увеличилось, - закономерно акцентируют отечественные исследователи, - а прибыль росла быстрее, чем заработная плата. За последние 10-15 лет, как пишет «Нью-Йорк таймс», зарплата английского рабочего снизилась более чем на 10%. Общества в Западной Европе становятся всё более разделенными» [Попов 2019]. В результате произошел фундаментальный разрыв между реально имеющимися достижениями в области санации экономики и государственного управления и качественного повышения их эффективности и тем, как они воспринимаются разными слоями общества.

Значительная часть населения справедливо сочла, что правящие элиты, всё равно нажившиеся на всех этих кризисах, классические политические партии, истеблишмент нарушили «социальный договор». Предали их. Бросили на произвол судьбы. Не заслуживают больше доверия. Перестали их представлять. Причем главным образом левые, фактически порвавшие со своим призванием сглаживать, защищать и помогать*11. Не способны обеспечить не только

экономическую стабильность и уверенность в завтрашнем дне, но даже элементарную безопасность и сохранение их культурной идентичности и привилегированного положения в собственной стране. Намерены и дальше приносить в жертву их интересы ради никого не греющих идеалов и абстракций, пусть они и уверяют в обратном.

Определяющими в политическом процессе стали общее недовольство, протестные и даже ксенофобские настроения. Соответственно последовавшие поправление общества и то, что оно качнулось в сторону крайне правых, консервативных националистов и популистов всех мастей, сопровождаемые их полной или частичной легитимацией в качестве лишь одного из обычных и дозволенных цветов политического спектра, сделались неизбежными [Энтин, Энтина 2017].

В этом плане социальная и политическая нестабильность, антииммигрантская и националистическая риторика и программы - всего лишь следствие прошлых кризисных явлений и тех ошибок социально-экономического порядка, которые были допущены при их купировании. Все они не столько проблемы (хотя и проблемы тоже), сколько новое состояние общества. Под влиянием изменений, которые оно претерпело, происходит сложное, тяжелое, порой крайне непоследовательное и конъюнктурное переформатирование политического пространства или, иначе, передел политического рынка.

Но принципиальное отличие посткризисных явлений от кризисных состоит в том, что они вторичны по отношению к ним. Первичные же проблемы в основном решены или предрешены. А если так, то корни посткризисных явлений подрублены. У стран ЕС появились существенно возросшие возможности провести санацию как социальной, так и политической сферы, сильно пострадавших под воздействием кумулятивного эффекта всех пережитых кризисов, вслед за экономической. Как закончится перераспределение власти и политического влияния, будет зависеть теперь в значительной степени лишь от того, кто припишет себе заслугу во всех «одержанных победах», а также от того, кто сумеет доказать, что именно они способны лучше всего ответить на изменившиеся запросы радикально переродившегося общества, проанализированные выше.

А то, насколько глубоко оно переродилось, иллюстрируют опросы общественного мнения, обнажающие подноготную результатов сентябрьских парламентских выборов в Швеции и октябрьских выборов в отдельные ландтаги Германии и то, насколько глубоко в западном обществе укоренились националистические и нативистические установки. Так, 21% взрослых шведов и треть тех, кому от 18 до 34 лет, уверены в том, что шведская культура превосходит все другие. Среди сторонников шведской ультраправой политической партии Шведские демократы (ШД)*[12](#) подобных взглядов придерживаются 41%. Не менее убийственные цифры - 15% и 39% поддерживающих ШД полагают, что настоящими шведами должны считаться лишь те, кто родились в Швеции (а за последние 25 лет число таких шведов сократилось с 91 до 83%). 14% населения и 40% приверженцев ШД считают, кроме того, что истинными шведами могут считаться лишь те, у кого и все члены семьи - шведы. 30% взрослых шведов и 50% сторонников ШД разделяют мнение, что ислам несовместим со шведской культурой. И это притом, что уже более 8% жителей страны являются мусульманами.

Дрейф от радикального к умеренному евроскептицизму

В сходной ситуации оказался и Европейский Союз. Это он не смог спасти страны региона от разрушительных последствий первого глобального финансово-экономического кризиса. Хотя не будь его, как утверждают политический истеблишмент и экспертное сообщество ЕС, последствия кризиса были бы на порядок катастрофичнее. Это под его прикрытием возвращали спекулятивные деньги немецким и французским банкам вместо того, чтобы затушить «разгорающийся костер», помочь зашатавшейся Греции и предотвратить тем самым кризис зоны евро, а затем сломали Афины «через колено» и на время подчинили внешнему управлению.

Это его использовали для того, чтобы заставить все страны региона обреченно следовать антисоциальной политике жесткой экономии, породившей все разобранные выше негативные явления. Это он не справился с миграционным кризисом и оставил национальные элиты один на один с взбешенным населением, которое больше не собирается прощать им проявленный конформизм, слабость и безволие.

Это он отобрал у национального государства обычный набор средств преодоления экономического кризиса в виде девальвации национальной валюты, защиты имеющихся социальных завоеваний, блокирования миграционных потоков и т.д., когда они были так нужны. Это он принуждал придерживаться всех одной и той же политики вопреки тому, что повсюду она давала совершенно различные результаты. Это он занимался черти чем вместо того, чтобы решать проблему безработицы или просто перекрыть общую внешнюю границу [Энтин, Энтина 2018].

Как видим, список претензий, которые, при желании, можно было бы предъявить интеграционному объединению, насчитывает огромное количество позиций. Указали лишь самые расхожие. Требования вернуть национальному государству утраченные им суверенные полномочия и/или не передавать ничего больше на наднациональный уровень не с неба взяли. Сам ЕС и национальные элиты своими практическими действиями создали питательную почву для евроскептицизма. Дело отнюдь не только в живучести националистических настроений.

Не мудрено поэтому, что евроскептицизм со временем сделался столь популярным в регионе. Пришелся по душе значительной части населения. Был взят на вооружение политическими силами, считавшимися в прошлом внесистемными и маргинальными, и подхвачен в отдельных случаях, как в частности в Великобритании, даже мейнстримовскими партиями.

Своего пика евроскептицизм, похоже, достиг сначала к выборам в Европейский Парламент 2014 г., когда в него пробился большой отряд крайне правых и популистов из разных стран, а тори весьма опрометчиво отказались от привычного альянса с Европейской народной партией. Затем – к референдуму о выходе из Великобритании, когда проевропейские силы ему подчистую проиграли, не сумев ничего по-настоящему толково ему противопоставить. Он мог очень сильно сказаться на результатах президентских выборов во Франции, поскольку тогдашний председатель Национального фронта Марин Ле Пен, сделав ставку, в том числе на него, уверенно вышла во второй тур [Выборы 2017; Европа 2018]. Наверняка, скажется на том, в каких условиях будет работать Европейский Парламент нового созыва, полномочия которого продлятся до 2024 г.

Однако в дальнейшем ситуация основательно эволюционировала. Она теперь далеко не такая однозначная. Хотя формально евроскептики находятся у власти почти в десятке стран ЕС [Позенер 2018] *13. На нее повлиял большой набор факторов иного порядка. Эпизод с подавленной попыткой бывших «революционеров» и антисистемщиков из «Сиризы» поднять Грецию на восстание против диктатора Берлина и Брюсселя и бесперспективностью надежд на проведение самостоятельного экономического курса в условиях передачи суверенных полномочий в финансовой сфере Европейскому центральному банку и еврогруппе обнажил то, что ранее не было до конца очевидным.

Демократия в странах ЕС существует отныне в урезанном виде. Результаты президентских и парламентских выборов имеют относительное значение. Национальные государства ограничены в проведении независимой политики. У них нет для этого больше достаточных экономических и политических рычагов. Решают, как быть, не партии, победившие на выборах в отдельно взятой стране, не то или иное правительство, которое настаивает на предлагаемой им альтернативе, а совокупные силы, находящиеся у власти в ЕС, которые контролируют положение не только в интеграционном объединении в целом, но и в каждом из его слагаемых.

Еще более поучительным, ввиду масштабов и веса страны, стал эпизод с «Брекзитом»*14. Экономические потери, которые несет Великобритания из-за еще лишь предстоящего выхода из ЕС; колоссальные сложности и тяготы выхода; связанная с ним политическая какофония внутри страны; неспособность кабинета Терезы Мэй элементарно разобраться в том, как лучше поступить, не то что выторговать у Брюсселя достойные условия «развода» – всё это продемонстрировало, что разрыв с ЕС не вариант. Он не дает ни преимуществ, ни осязаемого выигрыша. По крайней мере, в обозримой перспективе. Напротив, ослабляет страну. Дезориентирует бизнес. Рвет жизненно необходимые связи. Порождает гору трудно разрешимых проблем. Вызывает мало чем компенсируемый ущерб.

Поражение на президентских выборах во Франции Марин Ле Пен, когда значительная часть колеблющегося электората, напуганная ее «слишком смелыми» обещаниями, отшатнулась от нее, да и она сама ради победы принялась сдвигаться в центр и отказываться от радикальных постулатов евроскептицизма, во многом поставило точку над «i». В чистом виде евроскептицизм не жизнеспособен. Не реалистичен. Бесперспективен. Все государства-члены очень глубоко и почти бесповоротно вросли в ЕС. Интеграционное объединение дает потрясающе много. Без него государствам-членам больше не обойтись.

Наконец, что особенно показательно, в Великобритании партия евроскептиков, внесшая, без преувеличения, огромный вклад в итог референдума о выходе страны из ЕС, «почила в бозе». Она стала никому не нужной и сошла с политического небосклона [Payne 2018]. Ее возрождение перед выборами в Европарламент и колоссальный успех случились только на волне недовольства тем, как бездарно «Брекзит» осуществляется.

Соответственно, с учетом конкретной политической практики, евроскептицизм начал мимикрировать, шаг за шагом утрачивая прежние черты радикализма и бескомпромиссности. Проанализировав накопленный опыт политической борьбы, партия Марин Ле Пен и она сама пришли к выводу, что лозунги разрыва с ЕС и еврозоной не пользуются массовой поддержкой электората. Одержат победу и сплотить население на их основе не получится. Надо их менять на что-то более приемлемое для общества в целом.

То, в каком направлении менять, предметно продемонстрировали, казалось бы, столпы евроскептицизма – итальянские «Пять звезд» и Лига (в прошлом – Лига Севера) после победы на парламентских выборах, превращения в главную политическую силу страны и принятого ими, не без колебаний, решения вместе сформировать право-популистское правительство. Они заявили, что о выходе, разрыве, обструкции и т.п. вещах речь больше не идет. Это всё не актуально. Они ставят перед собой более сложную, но адекватную задачу. Они будут работать внутри ЕС для того, чтобы сбалансировать полномочия институтов ЕС и государств-членов; предотвратить принятие решений на уровне ЕС, которые бы противоречили или в недостаточной степени отвечали потребностям страны; принудить интеграционное объединение действовать в ее интересах, а не наоборот. Предвыборная риторика – одно дело, а ответственная политика – совсем другое [Jones 2018].

Но ведь это всё меняет, хотя европейские интеллектуалы и предупреждают, что «еврофобам» нельзя верить, они рвутся к власти, ради нее готовы на любой обман и во многих отношениях мало чем отличаются от неофашистов [30 écrivains 2019; Lévy 2019; Saviano 2019]. Подобное целеполагание переводит разговор в плоскость повышения эффективности и рационализации функционирования ЕС. Кто же даже из евроэнтузиастов против него будет возражать! Оно вообще вполне коррелирует с требованием субсидиарности, служащей краеугольной основой интеграционного объединения и позволяющей ЕС брать на себя решение проблем и необходимые для этого правовое регулирование и управление лишь при условии, что государствам-членам самостоятельно справиться с ними неизмеримо или намного сложнее [Европейское право 2018].

Если принять во внимание, что евроэнтузиасты за последние годы стали высказываться о ЕС более критично и взвешенно, получится, что водораздел между завзятыми евроэнтузиастами и евроскептиками понемногу стирается. И те, и другие сдвигаются к центру. Только с разных сторон. Речь больше не идет о разрыве с ЕС, а о классическом противопоставлении Европы государств – Европе наций.

Все признают, что Союз не идеален. В его работе много недостатков и несообразностей. Он вмешивается в дела, которые следовало бы оставить на усмотрение государства-членов. В то же время проявляет слабость в отстаивании их общих интересов. Погряз в мелкотемье и бюрократических проволочках. Его следовало бы реформировать.

Далее начинаются расхождения. Одни утверждают, что ЕС не справляется потому, что захватил слишком много суверенных полномочий. Для других корень зла заключается в том, что «Европы слишком мало». Надо решительно прибавить в укреплении ЕС, его достройке новыми структурами и пространствами, в углублении интеграции [State 2017].

Однако это расхождение не препятствует больше конструктивному диалогу (если только масла в огонь не подливают личная неприязнь, неуступчивость и стремление своей бравадой нарастить политический капитал, как в случае с взаимными нападками лидеров Франции и Италии зимой-весной 2019 г. [Khan 2019]). Эволюционировавший консенсус внутри ЕС складывается вокруг того, чтобы поискать новый, более рациональный, главное – работающий баланс. В отдельных областях (в частности военной) – резко прибавить в интеграции. В других – пойти по пути возвращения государствам-членам ряда полномочий.

Отсюда предложения одного из наиболее рьяных сторонников углубления евроинтеграции – Нидерландов – вернуть национальному государству свыше четырех десятков суверенных полномочий, ранее переданных на наднациональный уровень, чтобы расчистить движение вперед. Они были тщательно проработаны министерством иностранных дел и правительством страны и официально сформулированы еще несколько лет назад [Rettman 2013]. Много пицци для размышлений дали англичане, выбивая из Брюсселя уступки, которые позволили бы населению проголосовать несколько или совсем иначе на референдуме.

В этом же направлении с самого начала принялась работать с 2014 г. Европейская Комиссия под председательством Жан-Клода Юнкера. Она порвала с прежней традицией закапываться в мелочах и заваливать государства-члены неподъемным числом законопроектов. Их ежегодное количество волевым порядком было сокращено со ста до двадцати. Одновременно Европейская Комиссия смогла реально сконцентрироваться на стратегических направлениях таких, как повышение конкурентоспособности, привлечение инвестиций, реформирование рынка капитала, создание общей основы цифровой экономики, углубление взаимодействия в сфере внутренней безопасности и т.д.

В сентябре 2017 г., выступая с очередным ежегодным посланием о положении дел в ЕС, Жан-Клод Юнкер предложил обширную программу консолидации и укрепления интеграционного объединения с горизонтом планирования до 2025-го или даже 2030 годов. Одновременно для баланса он выдвинул инициативу создания специального межинституционального органа с весомым представительством европарламентариев, который подготовил бы дорожную карту возвращения суверенных полномочий в той степени, в какой это необходимо, с наднационального обратно на национальный уровень. Этим всё сказано.

Не откладывая в дальний ящик, уже 14 ноября 2017 г. Жан-Клод Юнкер официально учредил Целевую группу по субсидиарности, пропорциональности и тому, «как делать меньше более эффективно» [Future 2017]. Ее возглавил заместитель председателя Европейской Комиссии Франс Тиммерманс. Первоначально предполагалось, что в нее войдут по три представителя от национальных парламентов, Европейского Парламента и Европейского комитета регионов ЕС. Она приступила к работе с 1 января 2018 г. Ей поручалось выработать рекомендации по поводу тех областей деятельности, где ЕС должен делать больше; тех, где, как в случае с государственной помощью, ответственность должна быть в той или иной степени возвращена национальному государству; и того, как обеспечить более активное участие местных, региональных властей и национальных парламентов в деятельности интеграционного объединения. Все они в несколько реформированном виде вошли в Дорожную карту построения более единого, сильного и демократического Союза, которую Комиссия готовила к выборам в Европарламент в мае 2019 года*[15](#).

10 июля 2018 года Целевая группа передала Жан-Клоду Юнкеру свой Итоговый доклад [Subsidiarity 2018]. В нем сформулирован целый ряд идей, направленных на модернизацию и реформирование того, как работает ЕС, на переосмысление достигнутых результатов и упорядочение имеющихся правовых достижений. В частности предлагается скорректировать процедуру подготовки и принятия законодательных и других решений, дабы придать ей большую инклюзивность. Описывается, как сделать так, чтобы институты ЕС занимались только тем, что приносит «добавленную стоимость». Высказывается пожелание провести

инвентаризацию всего действующего коммунитарного законодательства на предмет его упрощения, рационализации и актуализации. Вместе с тем, констатируется, что Целевая группа не выявила таких областей деятельности ЕС, от которых интеграционному объединению стоило бы отказаться в пользу государств-членов [Report, 2018].

Возможные и невозможные сценарии эволюции Евросоюза

Сценарный подход дает панорамное видение перспектив развития Европейского Союза и того выбора, перед которым стоит интеграционное объединение. Он лучше всего показывает те возможности и ограничения, которые у него имеются, поскольку в наибольшей степени соответствует сложной, многоуровневой, противоречивой природе ЕС.

Поэтому и российские исследователи [Кавешников 2016], и эксперты других стран к нему с удовольствием прибегают. Не гнушается им и Европейская Комиссия. В марте 2017 г. Жан-Клод Юнкер представил подготовленный ей аналитический доклад, в котором обстоятельно разбирались основные варианты дальнейшей эволюции ЕС [White 2017]. В нем государствам-членам и гражданскому обществу предлагалось приступить к максимально широкому обсуждению возможных путей развития объединения с тем, чтобы, в конечном итоге, остановиться на оптимальном.

На самом деле большая часть сценариев была расписана Европейской Комиссией для того, чтобы государства-члены отметили заведомо неприемлемые, нереалистичные и недостижимые. Их было большинство. В таком случае должны были остаться максимум два, вокруг которых, при благоприятном стечении обстоятельств, сложился бы консенсус. В действительности, как моментально отметили ведущие политики и комментаторы, «в сухом остатке» остался бы только один из них – лишь его могли бы поддержать франко-германский тандем и ядро ЕС.

Если при оценке всей гаммы предположений об основных направлениях дальнейшей эволюции ЕС придерживаться логики рассуждений, фактически предложенной Европейской Комиссией, результат не принесет ничего неожиданного. Начнем его изложение в обратном порядке – от наименее к наиболее вероятным сценариям.

Считается, что **сценарий, предполагающий развал ЕС**, начал серьезно обсуждаться в «желтой» прессе и околонаучных изданиях под влиянием шока, вызванного итогами референдума о выходе Великобритании из ЕС. Такого развития событий, по большому счету, никто не ожидал. И для политического истеблишмента, и для экспертного сообщества он явился почти полной неожиданностью. Под его влиянием сразу пошли спекуляции о том, что «Брекзит» послужит предвестником конца.

На самом деле сомнения в устойчивости ЕС начали высказываться намного раньше. Причиной послужила неспособность Брюсселя и ведущих держав объединения быстро купировать кризис евро. Угроза дефолта нависла тогда отнюдь не только над маленькой Грецией. Трудности с получением денег под разумные проценты для совершения текущих платежей, обслуживания суверенного долга и спасения банковской системы и реального сектора экономики испытала чуть ли не вся периферия ЕС. Пострадала даже Ирландия, считавшаяся дотеле наиболее быстро растущей экономикой объединения. И в ЕС, и за его пределами действительно

опасались эффекта домино.

Однако Берлину, Брюсселю и Франкфурту удалось взять ситуацию под контроль. Более того сложное финансовое и социально-экономическое положение, в котором оказались многие страны ЕС, а также испуг, который испытали политические и бизнес-элиты региона, были использованы для того, чтобы передать многие суверенные полномочия, очень важные для проведения государствами-членами самостоятельного курса и независимой политики, на наднациональный уровень. За счет этого была осуществлена всеобщая санация бюджетной сферы. Надзор над системными банками, да и банковской системой в целом – передан ЕЦБ. Созданы мощнейшие структуры и механизмы противодействия будущим кризисам сходного характера [Economic 2018; European 2018; Janse 2018].

К работе без «сдерживающего», а порой и деструктивного влияния Великобритании ЕС также приспособился сравнительно быстро. С самого первого мгновения, когда состоялось подведение итогов референдума, Брюссель постарался сделать все возможное, чтобы столь негативное для него явление, как выход из объединения ведущей державы и одного из его центров силы, обратить себе на пользу. На настоящий момент объективные факторы целостности ЕС больше не угрожают. Последствия миграционного кризиса, при всей их серьезности, акцентированной выше, к развалу ЕС ни в коем случае привести не могут. Более того, столь же активно, как в случае с кризисом евро, используются для наращивания его потенциала и возможностей, только теперь в области внутренней безопасности и превращения его внешних границ в «неприступную стену» [Nielsen 2018].

Вероятность сценария, по которому вслед за Великобританией ЕС могут покинуть другие страны, также крайне мала. Первоначально итоги референдума вызвали взрыв энтузиазма у евроскептиков. Напротив, они породили растерянность в рядах истеблишмента. Пример «Туманного Альбиона» мог оказаться заразительным. Для целого ряда стран он выглядел привлекательным. Отдельные политические круги готовы были увидеть в нем альтернативу. Другие – спасение от диктата Берлина и Брюсселя, о котором вспоминали, правда, исключительно для национального потребления.

Однако всё это только в том случае, если бы Великобритания сумела выиграть от выхода, эффективно воспользоваться свободой и самостоятельностью во внешних делах и экономическом развитии в своих интересах, предложить внешнему миру что-то большее, по сравнению с тем, что ему дает ЕС, показать опережающие темпы роста. Кстати, подобного развития событий руководство объединения и ядра ЕС реально опасалось. Почему, никто не скрывал. До референдума Лондон, в отличие от континентальной Европы, резко увеличил бюджетные инвестиции, чтобы оживить национальную экономику. Сбросил корпоративные налоги почти вдвое, с 40 до 20%, чтобы сделать национальную экономику более привлекательной для международного бизнеса. Продемонстрировал темпы восстановления национальной экономики и экономического роста существенно более высокие, нежели в среднем по ЕС и еврозоне.

Ничего этого не произошло. Как было показано выше буквально несколькими штрихами, Лондон проиграл подчистую и во всех отношениях, во всяком случае, по состоянию на настоящий момент [Ананьева 2018]. Международный и национальный бизнес восприняли выход Великобритании из ЕС сугубо отрицательно. Очень быстро выяснилось, что ему нужна

свобода действий из Великобритании в масштабах всего колоссального внутреннего рынка объединения. Островной рынок, отделенный от континентального не очень понятным образом, ему интересен в намного меньшей степени. Угроза правовой неопределенности, гарантируемая выходом, вообще отпугивает его сильнее, нежели что-либо еще. О планах передислокации из страны объявила даже британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация Би-Би-Си, без которой ее просто невозможно себе представить [Collomp 2019]. Сейчас экономические показатели Великобритании больше никого не вдохновляют. То, что происходит в Великобритании и с Великобританией, расценивается как экономически ослабляющее и ее, и всю Европу в целом, о чем без обиняков пишут в своих аналитических докладах контролирующие органы ЕС и государств-членов, в частности Счетная палата Франции [Vignaud 2019]. Хотя часть экспертов уверяют, что финансовым рынкам абсолютно безразлично, чем закончится бракоразводный процесс между островной и континентальной Европы, и акцентируют внимание на том, что фунты стерлингов пользуются спросом [D'Orcival 2019].

В составе ЕС Лондон зачастую имел возможность действовать на международной арене от лица или под прикрытием огромной и чрезвычайно влиятельной «империи», обладающей на порядок более значительными ресурсами, чем он сам. Встав на путь выхода из ЕС, он стал стремительно превращаться в глазах союзников, противников, и мирового общественного мнения в того, кем является на самом деле – одну из многочисленных держав средней руки, выступающую с массой претензий, даже близко не подтверждаемых возможностями, имеющимися в ее распоряжении.

И во внутривнутриполитическом плане Великобритания потеряла очень много. За выход высказывается меньшинство населения. Элиты разобщены. Разлад внутри правящей партии всё глубже. Как утверждают комментаторы, в свое время консерваторы решили сохранить пост премьер-министра за нелюбимой ими Терезой Мэй отнюдь не из-за ее выдающихся достоинств, которые отсутствуют, а потому что боялись досрочных выборов*16. Правительство вместо того, чтобы заниматься текущими и перспективными делами страны, погрязло в бесчисленных проблемах, порождаемых брекситом. Потом, отправляя ее в отставку, ее же сделали козлом отпущения.

Так что худшей рекламы для последователей британских евроскептиков из других государств-членов ЕС просто трудно выдумать. Сугубо негативный пример Лондона, воспринимаемый очень многими как форменная катастрофа, учит другие страны ЕС только одному: следует, во что бы то ни стало, воздержаться от его повторения в каком-либо виде. Напротив, ЕС нужно дорожить. За ЕС необходимо держаться обеими руками. Он дает очень и очень много. Единственно, за достойное место в нем, конечно же, важно бороться. Что вчерашние радикальные евроскептики и намерены теперь делать.

Одно время много разговоров было по поводу **сценария, согласно которому из ЕС хотела бы выйти сама Германия**, цементирующая всё объединение, заправляющая в нем и тянущая его на себе. Возможность такого сценария аргументировалась утверждениями о том, что Германия дает другим государствам-членам на порядок больше, чем получает взамен. Она оплачивает за другие страны счета, которые им выставляются. Она кормит многочисленных «нахлебников», в которых превратились и Греция, и вообще периферия ЕС. Остальные

отдыхают и расслабляются, а за них вкалывают немцы. ЕС превратился для Германии в обузу. У Германии глобальные экономические интересы и амбиции. Она переросла ЕС.

Серьезные аналитические работы показали, что все эти утверждения не выдерживают критики. И заняты немцы на службе не больше, чем другие. И потребительский бум, рост задолженности, превышение расходов над доходами и т.д. спровоцировали сами немецкие банки в погоне за сверхприбылями, ссужая деньги под низкий процент всем и каждому. И на помощи Греции (как и в ряде других случаев) все только нажились – так ЕЦБ зафиксировал вовсе не потери, а прибыль на финансовых операциях с ней, превышающую 10 млрд евро.

Но главное – объединение и поглощение пула слабых валют в рамках еврозоны сделали товары, продаваемые немецкими производителями, намного дешевле и обеспечили их потрясающую конкурентоспособность на внешних рынках. Не будь этого, произошла бы неминуемая ревальвация дойчмарки. Более дешевые товары других государств-членов и третьих стран хлынули бы на рынок Германии. От ее колоссального внешнеторгового профицита мало что осталось бы. Это, кстати (т.е. институализированные махинации с национальной валютой), и инкриминирует Германии и ЕС администрация Дональда Трампа [Энтин, Энтина 2018].

Наконец, с помощью ЕС Германия преодолела тяжелое наследие развязанной ею Второй мировой войны. Восстановила свой политический статус. Заслужила всеобщее уважение. Урегулировала отношения с ближними и дальними соседями, которые всегда чувствовали себя не слишком комфортно от такого соседства. Даже подвигла Францию Эмманюэля Макрона взять на себя обязательство добиваться для нее кресла постоянного члена Совета Безопасности ООН [Chaillot 2019]. Отказ от европейского проекта значил бы для Берлина автоматическое возрождение прежних страхов, недоверия и подозрительности и такие внешнеполитические осложнения, что не приведи господи.

Конечно, социологические опросы показывают, что значительная часть электората в Германии недовольна ЕС [Германия 2018]. Считает, что участие в ЕС сопряжено с чрезмерными издержками. Подозревает другие европейские народы в неблагодарности. Крайне негативно восприняла категорическое нежелание стран Вышеградской четверки забрать себе хотя бы малую толику свалившихся на Германию беженцев. Поддерживает отдельные ксенофобские и националистические лозунги «Альтернативы для Германии». Но недовольство ЕС – это одно, а постановка вопроса о выходе – совсем другое. Кроме маргинальных политических сил, никто в такой плоскости вопрос и не рассматривает. Даже «Альтернатива для Германии» настаивает, скорее, на корректировке курса ЕС, его более жестком подчинении немецким национальным интересам, пересмотре отдельных решений и политик, которые им не отвечают, возвращении на национальный уровень опрометчиво переданных институтам ЕС суверенных полномочий.

Напротив, Большая коалиция, политический истеблишмент, предпринимательские круги Германии исходят из того, что взаимодействие внутри ЕС надо переводить на новый уровень интеграции. Избавляться от разногласия в том, что касается налогообложения – одного из последних бастионов национального государства. Всерьез приниматься за строительство политического и оборонного союза в дополнение к существующему и т.д. Таково веление времени [Германия 2018].

Сценарий сохранения нынешнего статус-кво по разным основаниям отвергается всеми.

Евроэнтузиастами – поскольку не отвечает ни нынешней логике евростроительства, ни амбициям дальнейшего углубления интеграции в целях укрепления и консолидации ЕС и усиления его позиций на международной арене. Евроскептиками – из-за того, что мешает корректировке деятельности ЕС в интересах отдельных государств и сохраняет за институтами ЕС, как они считают, избыточные полномочия.

На практике такой сценарий невыгоден ЕС и его государствам-членам. Они в ежедневном режиме занимаются решением огромного числа текущих проблем, которые постоянно пополняются качественно новыми и всё более перспективными. Проще эти проблемы со временем не становятся. Международное окружение – тоже. Чтобы справиться с ними, им нужны дополнительные ресурсы, более эффективные механизмы и совершенный инструментарий. Они должны, они просто обязаны идти по пути перманентной модернизации. Все предыдущие кризисы и вызванные ими последствия их в этом в достаточной степени убедили.

С точки зрения теории интеграции, его осуществимость вызывает большие сомнения. Традиционно интеграционное объединение принято сравнивать с двухколесным велосипедом: если не крутить педали и не двигаться вперед, на нем не усидеть – он обязательно упадет, увлекая за собой своего хозяина и всё то, что тот прихватил в дорогу. Иначе говоря, иммобилизм и стагнация, к которым приводит и с которыми ассоциируется сохранение статус-кво, осуществлению интеграционного проекта строго противопоказаны.

Но и с тем, что происходит в ЕС, такой сценарий никак не коррелирует. Объединение действительно находится в постоянном движении. Оно стремительно эволюционирует. Только за самое последнее время введены в действие новые, далеко идущие нормативные акты наднационального характера о тотальной защите персональных данных, борьбе со злоупотреблениями при использовании технологий распределенного ресурса, трансграничном соблюдении авторских и смежных прав в процессе построения цифровой экономики, дальнейшем ужесточении стандартов эффективности энергопотребления и десятки других. Заключены многочисленные международные соглашения о свободе торговли нового поколения. Одно из наиболее весомых – в июле 2018 г. с Японией. Оно затрагивает 99% действующих сейчас пошлин и подчиняет общему правовому режиму порядка 30% мирового ВВП [Fritz 2018; Japan - EU 2018; The EU - Japan 2018]. Предприняты шаги по расширению полномочий действующих структур ЕС и созданию новых, включая учреждение Генеральной прокуратуры, Европейского агентства по трудовым отношениям, Агентства по роботизации и искусственному интеллекту и т.д. [Administrative 2018].

Чтобы ощутить, сколь большие обороты набрал ЕС, насколько много и динамично он работает, с какой серьезностью относится к купированию еще лишь прогнозируемых рисков, нужно находиться внутри протекающих в нем процессов. У нас такая возможность была. На протяжении нескольких лет возглавляли посольство Российской Федерации в Люксембурге, и когда председательство в Совете ЕС перешло к этой стране, в силу выполняемых обязанностей оказались погружены в непосредственное обсуждение многих вопросов. Со знанием дела можем констатировать: вздорными идеями о сохранении статус-кво маховик интеграционного объединения никак не остановить.

Сценарий разворота ЕС лишь на обслуживание общего рынка не нуждается в

специальной расшифровке. За него горой стояла в прошлом лишь Великобритания. В условиях «Брекзита» он полностью утратил актуальность, и его можно вообще не рассматривать. Даже, как было сказано выше, если результаты выборов в Европарламент «покажут принципиально новое соотношение сил», предрекаемое теми, кто утверждает: «сегодня только ленивый не пишет об опасности прихода к власти популистов в европейских странах» [Попов 2019], и «демократии в большей части Европы не удастся пережить» возобновления прежних страхов и межнациональной розни [Kagan 2019].

Но из того, что ЕС и государства-члены сумели предотвратить любые формы саморазрушения интеграционного объединения и решительно отвергают как поворот вспять, так и сохранение статус-кво, с неотвратимостью вытекает, что они будут реализовывать в дальнейшем один из вариантов развития ЕС, связанных с углублением интеграции. Таких вариантов несколько. Проблема в том, что ни один из них не пользуется всеобщей поддержкой со стороны государств-членов. Кроме того, у каждого из них есть как свои плюсы, так и минусы.

Наиболее логичным и последовательным, с точки зрения сторонников федерализации ЕС и закоренелых евроэнтузиастов, был бы **сценарий тотального всеобщего движения вперед всего интеграционного объединения** [White 2017]. Однако, как принято считать в правящих кругах и экспертном сообществе региона, его осуществление неминуемо натолкнется на отсутствие единства в стане ЕС, на очевидный недостаток политической воли государств-членов. В одних странах верх взяли политические силы, пришедшие к власти под лозунгами евроскептицизма. В других правящие элиты уже больше не обладают свободой усмотрения. Они вынуждены действовать с оглядкой на популистов и евроскептиков. В третьих правят бал националистические силы. В этих условиях ставка на тотальное движение вперед не имеет под собой оснований. Более того она была бы неоправданной. Тем, кто выступает за скорейшее наращивание интеграционных усилий, слишком многим пришлось бы поступиться, а принимаемые решения оказались бы далеки от оптимальных.

Гарантированное движение вперед дают **сценарии многоскоростной интеграции или интеграции с меняющейся геометрией**. Преимущество таких сценариев состоит в том, что для их реализации не требуется всеобщего согласия [Кавешников 2016]. Достаточно, чтобы заинтересованные страны договорились между собой. Чтобы в каждом отдельном случае была относительно весомая группа лидеров. Другие бы не мешали и не сдерживали их. На аутсайдеров можно было бы сверх меры не оглядываться. Ими в какой-то степени можно было бы пренебречь. По мере складывания необходимых предпосылок первопроходцы подтягивали бы их до своего уровня и кооптировали в свои ряды. Как, например, в ситуации с последующим включением Шенгенских соглашений в учредительные договоры ЕС.

Однако у них есть и очевидные недостатки. Передовой группе государств-членов всё равно придется оглядываться на оставляемых позади. Они должны будут ограничивать себя лишь теми шагами, которые другие смогут повторить. Если группа окажется не слишком представительной, получаемые ею результаты потеряют в убедительности и не станут определяющими для интеграционного объединения в целом.

Но даже не это главное. Любые конструкции с меняющейся геометрией будут осложнять деятельность ЕС. Вести к множественности правовых режимов. Рвать общее пространство ЕС. Создавать диспропорции. Усиливать внутренние противоречия. Генерировать нарастающую

напряженность. Поэтому от всех вновь вступающих в ЕС Брюссель неизменно требует принять на себя всю совокупность обязательств, вытекающих из участия во всех пространствах и механизмах объединения, т.е. больший объем обязательств, нежели тот, который лежит на многих его старожилах. Договоренность о переходных периодах дела не меняет. Так, в зону евро входят всего 19 государств-членов. Однако когда страны последней волны расширения принимали в ЕС, все они обязались со временем выйти на уровень соответствия стандартам, предъявляемым к участникам еврозоны, и вступить в нее [Европейское 2018].

Этим же объясняется то, почему Брюссель занимал столь твердую позицию в отношении половинчатых предложений Лондона на переговорах об условиях выхода Великобритании из ЕС и сохранении части прежних связей. Он не намерен был давать ей никаких послаблений. Ни в вопросе о пограничном режиме с Ирландией [Zalan 2018]. Ни в том, что касается подключения лишь к отдельным правовым режимам, в которых Лондон заинтересован. Будь то те или иные сегменты общего рынка или таможенного союза. Всё, даже близко напоминающее «интеграцию а ля карт», т.е. выборочное участие и неучастие в интеграционном проекте, отвергалось им с порога [Barnier 2017].

В своем докладе от 1 марта 2017 г. Европейская Комиссия предложила принципиально новый **сценарий поступательного движения ЕС - по пути дифференцированной интеграции**. Его отличие от предыдущих заключается в том, что он не подразумевает подтягивания аутсайдеров до уровня передовой группы. Это очень важно. Это определяющая разница. Фактически в случае принятия концепции дифференцированной интеграции ЕС разбивается на две группы государств-членов. Одни составляют авангард, стремительно движущийся вперед. Другие будут нести меньший груз обязанностей. Зато и не смогут пользоваться всем объемом прав и преимуществ, которыми обладают остальные.

В какой-то степени такой сценарий подразумевает легитимацию деления ЕС на ядро и периферию (или, иначе, Север и Юг, Запад и Восток). Естественно, что страны Восточной и Юго-Восточной Европы отреагировали на соображения Европейской Комиссии крайне болезненно. Предложенный ею сценарий они встретили в штыки. Последовали заявления о том, что они вступали в ЕС, боролись за членство и приносили столько жертв вовсе не для того, чтобы оказаться государствами-членами второго сорта. Не для того, чтобы их оставляли за бортом. Не для того, чтобы их интересами и чаяниями пренебрегали [Mercator 2017].

Вместе с тем, хотя бы отдельные государства-члены или нет, размежевание внутри ЕС по уровню интеграции и объему прав и обязанностей уже произошло. Оно получило и фактическое, и юридическое закрепление в создании еврозоны. Последняя стала обособленным, самостоятельным, продвинутым интеграционным пулом внутри ЕС. Соответственно все инициативы лидеров Франции и Германии (если указывать очередность не по весу грандов ЕС, а по их активности) и высказываемые ими идеи о создании отдельного парламента для еврозоны, принятии отдельного бюджета, назначении министра финансов и т.д. - не более чем дань реалполитик. Как регламентировать соотношение между еврозоной, уходящей в отрыв от остальной части ЕС, и теми, кто оказался или окажется вне ее - другой вопрос. Может, регламентация и не понадобится.

Такого рода идеи и инициативы определенно указывают на склонность ядра ЕС к выбору в пользу дифференцированной интеграции [Bershidsky 2017]. Заинтересованность в нем

проявляется всё отчетливее. Его поддерживают как элиты, так и население стран, входящих в ядро ЕС, простые граждане. Согласно превалирующему мнению, участников общего интеграционного проекта стало слишком много. ЕС потерял управляемость. Скачкообразное расширение ослабило ЕС, а не укрепило. Оно замедлило и осложнило движение вперед. Себялюбие, постоянные претензии на особую роль и нескончаемая фронда отдельных новых государств-членов всем надоели. Нарушение ими основополагающих традиций интеграционного объединения, складывавшихся десятилетиями, принципиально неприемлемо. Формальное или неформальное разделение ЕС на два потока в какой-то степени сняло бы эту проблему.

Еще одним вариантом является **сценарий компенсаторной интеграции**. Его специфика заключается в том, что, наряду с углублением интеграции и передачей всё новых и новых полномочий на наднациональный уровень, расширяются и прерогативы государств-членов в области контроля над деятельностью ЕС. Последние получают дополнительные возможности отстаивать свои права, интересы и предпочтения. Интеграция идет не только по линии укрепления наднациональных институтов и других наднациональных органов, но и в форме большего сочленения национальных государств и наднациональных структур, более активного вовлечения национальных органов в процесс подготовки, принятия и реализации совместно принимаемых решений. То есть усиление интеграционного объединения идет рука об руку с усилением входящих в него национальных государств. Углубление интеграции, подчиняющее их общему интересу, как бы компенсируется расширяющимися возможностями, предоставляемыми им, формулировать, корректировать и отстаивать этот общий интерес.

Элементы компенсаторного сценария были широко использованы при согласовании Хартии фундаментальных прав, ставшей впоследствии органичной частью Договора о реформе ЕС, и в работе Конвента о подготовке Конституции для ЕС. В обоих случаях к участию в форумах, сыгравших столь важную роль в модернизации ЕС, были привлечены представители не только исполнительной, но и законодательной власти и консультативных органов. Обсуждение носило открытый характер. К анализу рабочих материалов имели возможность подключаться общественность и гражданское общество.

Они нашли отражение также в тексте Лиссабонского договора, по которому ЕС и государства-члены живут в настоящее время. В соответствии с ним предварительный надзор за соблюдением упомянутого выше принципа субсидиарности при подготовке и принятии новых нормативных актов ЕС вверяется также и национальным парламентам. Предусматриваются процедуры и механизмы прямой демократии. Насколько эффективные – другой вопрос.

Еще одной особенностью компенсаторной интеграции является возвращение на национальный уровень отдельных избыточных полномочий, которые были ранее переданы ЕС. То есть интеграция перестает быть дорогой с односторонним движением. Допускаются как передача суверенных полномочий на наднациональный уровень, так и обратный процесс. Инициативу Председателя Европейской Комиссии в этом отношении упоминали выше. Среди других его предложений аналогичного плана – создание национальных органов по надзору за качеством товаров, поступающих на локальные рынки, для гарантированного соблюдения единых стандартов. С некоторой натяжкой в этот же ряд можно поставить высказанную им и уже реализуемую идею учреждения агентства по надзору за предотвращением дискриминации

трудящихся, нанимаемых в странах с более слабой социальной защитой для работы в странах с более высокой заработной платой и более щедрым социальным пакетом.

Понятно, однако, что все проанализированные различия между сценариями углубления интеграции имеют условный характер. Их всегда можно стереть. В зависимости от обстоятельств и конкретной сферы деятельности ЕС и его государства-члены будут ориентироваться преимущественно на один или на другой из них. В целом же ими будет использоваться всё время варьирующаяся комбинация элементов, присущих всем этим сценариям. Таким образом, можно констатировать, что у ЕС и его государств-членов имеются чуть ли неограниченные возможности проявлять гибкость при продолжении евростроительства и модернизации европейского проекта, при поисках такого варианта действий, который бы устроил всех или наиболее заинтересованную группу государств. Будущее – за «гибкой интеграцией».

В подтверждение этого приведем только два примера из последней практики. Первый. Выступая в Страсбурге 13 сентября 2017 г. с развернутой программой укрепления и консолидации ЕС на среднесрочную перспективу, Жан-Клод Юнкер по сути дела высказался за то, чтобы ЕС вернулся к варианту фронтального движения вперед. Он предложил запустить специальную программу финансовой и экспертной поддержки стран, которые должны будут пополнить ряды еврозоны, на манер той, которая осуществляется в отношении государств, получивших статус кандидатов на вступление в интеграционное объединение. В случае успеха такой программы потребность в отдельном обустройстве еврозоны и дифференцированной интеграции сошла бы на нет. Это в прошлом Великобритания служила маяком для Новой Европы. Сдерживала ЕС. Служила балластом. Настаивала на альтернативных вариантах. Брексит в этом отношении изменил ситуацию коренным образом.

Второй. В конце 2017 г. впервые в своей истории ЕС принял решение о начале Постоянного структурированного сотрудничества в области обороны (ПЕСКО). Как и в случае с продвинутым сотрудничеством, согласно действующим учредительным договорам, для его запуска нет нужды во всеобщем участии. Даже желания большинства государств-членов не требуется. Достаточно, чтобы они не мешали. Эксперты сходу оценили ПЕСКО как принципиально новый шаг на пути углубления интеграции, предваряющий достройку ЕС также и оборонительным союзом. Обдумывая инициативу, выдвинутую Вильнюсом, Берлин и Париж разошлись в том, стоит ли привлекать к нему ограниченный круг государств-членов или же добиваться максимально широкого участия. Первоначально казалось, что к ПЕСКО подключится не такая уж весомая группа государств-членов. Однако по мере продвижения переговоров число желающих присоединиться к нему постоянно возрастало. В итоге почти никто не захотел оказаться не у дел. 13 ноября 23 из 28 государств-членов подписали общее уведомление о ПЕСКО. А 11 декабря 2017 г. профильный Совет ЕС утвердил решение, учреждающее ПЕСКО в составе 25 государств. За бортом предпочли остаться лишь Великобритания, Дания и Мальта [Permanent 2018]. Эту тенденцию подтвердил запуск второй волны проектов в рамках Постоянного структурированного сотрудничества.

Правовой инструментарий углубления интеграции

Столь же большой гибкостью ЕС и его государства-члены обладают в том, что касается использования правовых механизмов и правового инструментария институциональной достройки интеграционного объединения и расширения его полномочий, нужных для перевода всего осуществляемого ими интеграционного проекта на качественно более высокий уровень. Ни первичное, ни вторичное право ЕС не содержит ограничений, которые бы этому воспрепятствовали. Недаром на протяжении уже длительного времени ЕС и государства-члены прилагали неустанные усилия, направленные на его диверсификацию с тем, чтобы в его рамках, на его основе, с использованием уже накопленного опыта правоприменения можно было реализовать любой из изложенных выше сценариев углубления интеграции или любую их комбинацию.

На протяжении 1990-х и 2000-х годов **главным инструментом модернизации интеграционного объединения выступало заключение всё новых и новых договоров**, вносящих изменения и дополнения в предыдущие учредительные акты ЕС. Парижский и Римский договоры и Единый европейский акт заложили фундамент интеграции. С их помощью были заданы его основные параметры и направления. Последующие достраивали строящееся здание новыми этажами, обновляли и отделявали. Они совершенствовали институциональную систему. Меняли порядок нормотворчества и принятия решений. Перераспределяли полномочия. Придавали европейской интеграции новые измерения, шаг за шагом превращая ее из сугубо отраслевой и затем всего лишь общеэкономической в универсальную.

Евросоюз был создан Маастрихтским договором посредством дополнения Европейского Сообщества, работающего в режиме коммунитарного права, двумя другими составляющими – сотрудничеством в области внешней политики и политики безопасности и сотрудничеством между полицейскими и судебными органами с принципиально иным характером нормотворчества и порядком контроля над осуществлением принимаемых решений. Амстердамский и Ниццкий договор сделали первый шаг к коммунитаризации политик. Проложили путь к частичному расширению ЕС. Заново обустроили проведение общей внешней политики и политики безопасности. Наконец, Лиссабонский договор упразднил деление ЕС на «три опоры». Вместо множественности правовых режимов ввел намного более цельный. Задал вектор движения ЕС на следующее десятилетие. Сделал ЕС таким, каким мы его знаем сегодня.

Вместе с тем, путь к заключению Лиссабонского договора оказался настолько сложным и тернистым, сопровождался такими высокими издержками (он в урезанном виде ввел в действие несостоявшуюся Конституцию ЕС), что надолго отбил у политического класса ЕС желание вставить на него опять. Внесение в учредительные договоры изменений и дополнений является наиболее легитимным, последовательным и правильным способом модернизации интеграционного объединения. Его использование придает праву ЕС максимально возможную определенность. Оно формирует наиболее прочную основу последующих трансформаций. Позволяет придать им необходимую комплексность. Затрагивает все аспекты функционирования объединения.

Но ему присущи также серьезные ограничения. Для принятия нового учредительного договора нужен консенсус по слишком широкому перечню вопросов. Ведь созывать межправительственную конференцию, а тем более конвент, запускать столь громоздкую

процедуру для решения незначительного круга задач просто нерационально. Выходить на него в составе почти трех десятков государств-членов – всё более неподъемная задача. Особенно сейчас, когда национальные интересы так разнятся. Государства-члены отстаивают их зачастую жестко, напористо и непримиримо. Настаивают на своем до последнего, как в случае с отказом от навязывавшейся Брюсселем и стоящим за ним Берлином схемы автоматического распределения беженцев. Не соглашаются ни на какие компромиссы. Уломать их пойти навстречу, предлагая далеко идущие размены или финансовые вливания, становится себе дороже.

К тому же в дальнейшем любая отдельно взятая страна по причинам преимущественно внутривластного характера может затянуть или даже заблокировать вступление в силу с таким трудом согласованного текста. Чтобы он стал действующим нормативным актом, к тому же занимающим высшее место в иерархии источников права ЕС, необходимо, чтобы он был ратифицирован всеми государствами-членами. Как все помнят, референдум во Франции и последовавший за ним референдум в Нидерландах сыграли критическую роль в судьбе проекта Конституции ЕС. Проект был провален тогда в первую очередь из-за недовольства правительствами и правящими партиями и в той, и в другой стране, а не из-за каких-то врожденных недостатков документа, неприемлемых для населения.

Поэтому в ближайших планах ЕС и ведущих государств-членов созыв межправительственной конференции для подготовки и согласования дополнений и изменений в действующие учредительные документы ЕС – Договор о Европейском Союзе (ДЕС) и Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) не значит. Этот наиболее мощный «локомотив» системной перенастройки интеграционного объединения переведен на «дальний полустанок». Он будет вновь возвращен во главу состава в подходящий момент. На экспертном уровне работа над самыми различными вариантами нового договора и его отдельными блоками, естественно, продолжается.

Пока же ЕС и его государства-члены сосредоточились на активном использовании **двух других мощнейших инструментов модернизации интеграционного объединения** и его перевода в качественно новое состояние. Понимая насколько сложен и неоднозначен процесс актуализации учредительных актов, страны ЕС заложили в Лиссабонский договор целую серию всевозможных спящих норм, **задействование которых дает такой же или сходный эффект**. На профессиональном сленге они получили название «мостики» и «переходики». Для их активизации достаточно единогласия политических институтов ЕС по поводу того или иного конкретного пункта текущей повестки дня.

Спящие нормы предусматривают возможность того, что новые суверенные полномочия будут переданы с национального на наднациональный уровень. На предыдущих этапах государствам-членам не удалось согласовать их делегирование ЕС. Тем не менее, они договорились резко упростить саму процедуру делегирования. Таким путем, похоже, институты ЕС будут уполномочены заняться гармонизацией налогообложения. На этом настаивают Берлин и Париж, а соответственно и Брюссель. Отдельные малые и средние страны ЕС ведут арьергардные бои [No consensus 2019].

Они боятся утратить экономические преимущества, которые им дает на порядок более льготное, простое и либеральное налогообложение, по сравнению со средним по ЕС, которым

могут пользоваться физические и юридические лица, находящиеся под их юрисдикцией или переходящие в нее. Чтобы пояснить, о чем собственно идет речь, достаточно напомнить, что в Ирландии и на Кипре, например, корпоративные налоги в четыре раза ниже (!), чем в Германии. Иностраный бизнес это очень ценит.

Малые и средние страны до последнего времени были уверены, что в случае унификации налогообложения они будут «раздавлены» более крупными соседями. Лишатся ряда преимуществ в конкурентной борьбе с ними, компенсирующими малые размеры их экономик. Утратят чрезвычайно важный ресурс социально-экономического маневрирования. Не смогут больше противостоять внешнему диктату.

Но без гармонизации налогообложения, как указывают немецкие и французские политики и экономисты, как, впрочем, и эксперты других стран, единое экономическое пространство ЕС оказывается разорванным. Здание экономического и валютного союза остается недостроенным. Проводить единую экономическую политику крайне затруднительно. Если вообще возможно.

Первые радикальные шаги, направленные на то, чтобы изменить ситуацию и консолидировать ЕС, уже сделаны - все государства-члены распростились с банковской тайной. Соответствующей директивой введено также взаимное автоматическое информирование о налоговых рулингах (индивидуализированных разъяснениях/договоренностях правительств с частными фирмами о характере и объемах налогообложения). Поставлены барьеры на пути ухода из-под налогообложения и сомнительной оптимизации налогооблагаемой базы. Следующие, состоящие в поэтапной гармонизации налогообложения, похоже, с неотвратимостью также будут сделаны ЕС.

Аналогичным образом, т.е. путем единогласного одобрения новых правил, государства-члены, отталкиваясь от спящих положений Лиссабонского договора, в состоянии добиваться радикального упрощения процедуры принятия политических и законодательных решений политическими институтами ЕС, не внося изменения и дополнения в действующие учредительные акты. В тех областях деятельности интеграционного объединения, где это еще не было сделано, они могут таким образом отказываться от требования единогласия, переходя к принятию решений квалифицированным большинством. Понятно, как много это значит для его более динамичного и успешного функционирования. Особенно в нынешних условиях, когда ЕС насчитывает 27 членов плюс Великобританию и 33 - в случае поглощения всех Западных Балкан.

По пути обозначенного упрощения процедур руководство ЕС, как оно, во всяком случае, уже обозначило, намерено вести государства-члены при его достройке Политическим союзом и осуществлении первых подготовительных мер, необходимых для достижения этой цели. Представляя в Страсбурге 13 сентября 2017 г. свое видение программы реформ и трансформации ЕС на последующее десятилетие, Председатель Европейской Комиссии, в частности, заявил, что для повышения эффективности выработки и проведения единой внешней политики и политики безопасности ЕС и его государствам-членам пора переходить к принятию решений квалифицированным большинством голосов. Такая возможность прямо предусматривается Лиссабонским договором [State 2017].

Как видим, у ЕС имеются все возможности избежать паралича и продолжать институциональное строительство и расширение полномочий объединения, а соответственно и углубление интеграции малыми и выборочными, но весьма существенными мерами и тогда, когда перспективы системного рывка или продвижения по широкому кругу вопросов выглядят проблематичными. Однако Евросоюз способен их задействовать, как и при внесении изменений и дополнений в учредительные договоры, лишь при условии, что имеется согласие всех, абсолютно всех государств-членов. Это случается всё-таки не так часто.

Тем не менее, и тогда, когда среди государств-членов нет единства, и оно не предвидится, у ЕС имеются возможности идти вперед по пути углубления интеграции. На этот случай ДЕС и ДФЕС предлагают вполне эффективные и полностью законные способы достижения тех же целей, ассоциируемые с представлениями о многоскоростной интеграции и интеграции с меняющейся геометрией. Такими способами являются **постоянное структурированное сотрудничество в области обороны**, о котором было сказано выше, и **продвинутое сотрудничество** во всех других областях.

В прошлом ЕС изредка уже прибегал к разнообразным правовым схемам, позволяющим обойти блокирующие голоса тех государств-членов, которые не хотели идти в ногу с большинством, подталкивающим объединение к осуществлению новых амбициозных проектов, но не считали необходимым препятствовать в этом остальным. Например, такие влиятельные страны Старой Европы, как Великобритания, Дания и Швеция, прекрасно понимая всю значимость введения единой валюты и формирования еврозоны, решились, тем не менее, на свободное существование вне ее рамок и не стали подчинять себя ее правилам. Они предпочли не связывать себе руки и не расставаться с национальной валютой. Кстати, руководство Европейской Комиссии вполне прозрачно намекало в этой связи, что лишь расслабляющее влияние этих стран, прежде всего Великобритании, мешало до сих пор мобилизовать усилия для скорейшего включения в еврозону не спешащих в нее Венгрии, Польши, Румынии и Хорватии. Как равно и необоснованно торопящейся в нее Болгарии.

Курс на то, чтобы не обременять себя обязательствами, вытекающими из конструирования единой Социальной Европы, с самого начала осуществляла Великобритания. В отличие от всех других стран ЕС не признали для себя обязательными Хартию фундаментальных прав снова Великобритания, а также Чехия, которая в дальнейшем сняла сделанные оговорки. В разной степени вне общего пространства свободы, безопасности и правосудия находятся Дания, Великобритания и Ирландия. Общим для всех этих казусов является, однако, лишь то, что каждый раз абстиненты сами решали, как им быть, или в их отношении государства-члены совместно устанавливали режим изъятий, и каждая ситуация получала специальную регламентацию в праве ЕС.

Продвинутое и постоянное структурированное сотрудничество несколько о другом. Эти юридические инструменты в каждом конкретном случае наделяют достаточно многочисленное меньшинство стран ЕС (минимум девять) или любую более представительную группу государств-членов правом инициировать новый интеграционный проект в рамках ЕС с опорой на структуры и механизмы ЕС, несмотря на отсутствие желания со стороны остальных, и детально прописывают соответствующую процедуру. Ограничений – всего два. Решение принимается Советом ЕС квалифицированным большинством. Им интеграционное

объединение не наделяется новыми полномочиями [Scenario 2018]. Смысл этих инструментов заключается в том, что скептически настроенные страны, способные помешать фронтальному и универсальному углублению интеграции, т.е. всеобщности движения вперед, против которого они возражают, лишаются возможности повлиять на настрой государств-единомышленников в отношении вынашиваемых ими планов и остановить их.

Положения о Постоянном структурированном сотрудничестве долгое время оставались «резервным оружием» ЕС. Государства-члены воздерживались от их использования. Первое исключение было сделано в декабре 2017 г. В рамках ПЕСКО пока предполагается осуществление 17 различных проектов первой волны и примерно такого же количества – второй. По сравнению с ПЕСКО примеров продвинутого сотрудничества намного больше. Причем в самых разных областях [Бабынина 2014]. В учреждении Генеральной прокуратуры ЕС согласилась участвовать 21 страна. Прокуратура должна обеспечить эффективное преследование за нарушения, касающиеся бюджетных средств ЕС. Однако это только в начале. Не исключено, что впоследствии делегируемые ей полномочия будут расширены.

17 стран создали правовой режим, позволяющий супружеским парам из граждан разных стран выбирать применимое право в случае развода или юридически оформляемого расставания. Другие 17 стран договорились разработать четкие правила решения вопросов собственности для таких пар в случае разводов или наследования. 10 государств-членов продолжают работать над введением единообразного порядка налогообложения финансовых транзакций. Перспективным прецедентом послужит намерение 14 стран совместно с Европейской Комиссией инвестировать в обустройство транснациональной цифровой инфраструктуры мирового класса на базе создания своих собственных суперкомпьютеров [Scenario 2018].

Как отмечалось выше, одним из возможных вариантов коренной переналадки ЕС выступает оснащение еврозоны своим собственным бюджетом, парламентом и постоянно действующим министром финансов и ее превращение в ядро европейского проекта, дающего крен в этом случае в сторону дифференцированной интеграции. Дебаты по его поводу ведутся в политических кругах ЕС всё более интенсивно. Франко-германский тандем говорит о нем уже вполне уверенно и определенно [Ophüls, Sigmund, Hildebrand 2018; Cuddy 2018]. Появляется растущее число указаний на то, что подготовительная работа в данном направлении действительно ведется. Из весьма призрачного он превращается в относительно реальный. Похоже, Париж и Берлин, если только не изменятся обстоятельства, действительно намерены сделать ставку на обособление еврозоны. Пусть в начале планируемые ими шаги и могут показаться сравнительно скромными и половинчатыми.

Однако если они на практике, а не только на словах, приступят к осуществлению данного плана, интрига будет заключаться не столько в обустройстве еврозоны как таковой, а в том, как оно будет проводиться. Станет ли франко-германский тандем продавливать принятие общего законодательства ЕС или удовлетворится продвинутым сотрудничеством. Допустит ли он аутсайдеров к контролю над происходящим и участию в выработке решений. Будет ли добиваться установления новых правил игры для еврозоны в качестве общего проекта ЕС или частного дела ее участников. В чем увидят свой интерес скандинавы и большая часть Новой Европы. Будут ли они настаивать на придании отрывающейся от них еврозоне сугубо открытого характера, подразумевающего в дальнейшем стирание различий, или же бороться с

самого начала против разделения ЕС на две группы государств. Выход Великобритании из ЕС, по ходу переговоров о «Брекзите» превратившийся в ее исключение из интеграционного объединения, делает возможным любой из сценариев. Правовой инструментарий и для одного, и для другого давно наготове.

Внешне очень похож на продвинутое сотрудничество **правовой инструментарий достройки ЕС новыми этажами путем заключения государствами-членами международных соглашений за рамками интеграционного объединения**. Его принципиальное отличие состоит в том, что он позволяет заинтересованным странам ЕС обходить ограничения, свойственные продвинутому сотрудничеству. К его использованию они прибегают тогда, когда иным образом не могут преодолеть сопротивление несогласных или неготовых к этому государств-членов, а им нужно превратить свой проект в общий для интеграционного объединения.

Классикой в этом отношении является Шенгенское соглашение об упрощении паспортно-визового контроля на границах, участниками которого первоначально стали всего пять европейских государств – Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Германия. Причем какое-то время его перспективы оставались призрачными. Мало кто мог предположить, что Шенген вырастет в один из главных проектов интеграционного объединения. Соглашение было подписано 14 июня 1985, а вступило в силу лишь 26 марта 1995 г. Для этого потребовалось заключить Конвенцию о введении в действие и применении Шенгенского соглашения. Она была подписана в 1990 г. всё теми же пятью странами. Тем не менее, уже 1 мая 1999 г. Соглашение было замещено Шенгенским законодательством ЕС и стало весомой частью его правовых достижений, модернизация которых идет полным ходом [Security 2018; Managing 2018].

Гораздо быстрее развивались события в случае с Прюмским соглашением. Оно было подписано всё той же пятеркой государств, а также Австрией и Испанией 27 мая 2005 г. (еще 9 стран сообщили о своем намерении присоединиться). Своей целью оно имело резко активизировать сотрудничество между полицейскими органами в борьбе с организованной преступностью и международным терроризмом. Ключевые положения Соглашения касались создания полицейской информационной сети. Оно открывало взаимный доступ к базам данных друг друга. А уже 17 июня 2007 г. Совет министров внутренних дел ЕС принял решение распространить его действие на все тогда 27 его государств-членов.

Оба эти примера свидетельствуют о том, что в плане целеполагания инструментарий внешних для ЕС соглашений действительно имеет много общего с продвинутым сотрудничеством. На это указывает и то, что Европейская Комиссия включает учреждение Единого патентного суда (ЕПС) в общий перечень примеров продвинутого сотрудничества [Scenario 2018]. На самом деле он создается на основе Соглашения о ЕПС, подписанного в Брюсселе 19 февраля 2013 г. 25 государствами-членами [Agreement 2013]. Первоначально от участия в нем воздержались Испания, Польша и Хорватия. Но оно открыто для всех стран ЕС. Впоследствии Польша всё-таки присоединилась к нему. Своеобразие Соглашения заключается в том, что оно наделяет ЕПС статусом общего суда государств-членов и подчиняет его действию права ЕС и постановлениям Суда ЕС по аналогии с национальными судами [*17](#).

У государств-членов имеется также важный опыт заключения внешних международных

соглашений по различным аспектам функционирования ЕС в фактически складывающейся чрезвычайной обстановке. С использованием рассматриваемого правового инструментария они создали стабилизационный механизм ЕС [Treaty 2018]. Тем самым они сумели вырваться из заколдованного круга внутренних противоречий и вывели ЕС из-под удара.

Одной из отличительных черт разобранный выше системы юридических средств и процедур модернизации ЕС, укрепления его институциональной системы, расширения полномочий интеграционного объединения являются их четкая регламентация, правовая определенность, присущая их использованию, понятность, предсказуемость, открытость, публичность и т.д. Второй или как бы **запасной системой средств и процедур**, для которых все эти черты не характерны, **являются возможности расширительного толкования отдельных положений учредительных договоров, прав и полномочий ЕС и его институтов**. Они очень востребованы. В повседневной практике функционирования ЕС задействуются даже чаще и охотнее. Возможности эти при ближайшем рассмотрении чуть ли не безграничны.

Уже в самих учредительных договорах прописано, что ЕС обладает как эксплицитно зафиксированными в них полномочиями, так и теми, которые в них прямо не закреплены, но являются необходимыми для достижения сформулированных в них целей и решения поставленных в них задач. Соответственно, если политические институты ЕС берутся за разработку законодательных актов, под которые конкретные правовые основания отсутствуют, их при желании всегда можно обосновать и легитимировать, прибегнув к расплывчатым, неоднозначным и фактически всеядным положениям о подразумеваемых полномочиях ЕС. Таким образом Европейский Совет дал нижестоящим структурам ЕС огромное количество поручений, а Совет ЕС и Европарламент подготовили и утвердили по-настоящему большое число регламентов и директив.

Для российских политиков и юридической общественности третьих стран это не совсем понятно и очевидно, но политические институты ЕС руководствуются в своей деятельности не только нормой первичного права ЕС и заключенным в нем конкретным содержанием, но и сформулированными в ней целевыми установками. За ними признается даже еще более обязательный характер. Это т.н. телеологический способ толкования. Согласно утвердившейся в ЕС юридической традиции, им должны руководствоваться все политические, административные, правоприменительные и любые другие властные структуры интеграционного объединения.

Причем всё более-менее понятно, объяснимо и в принципе легитимно, когда упоминание конкретных полномочий в тексте учредительных договоров опущено, а они признаются государствами-членами ЕС как вытекающие из тех целей, которые в договорах указаны. Это в чистом виде подразумеваемые полномочия. Концепция подразумеваемых полномочий в действующем международном праве никем не ставится под сомнение.

Однако в нескольких недавних случаях государства-члены осознанно шли на признание за институтами ЕС права на совершение таких действий, которые учредительные договоры, по мнению части политиков и юридического сообщества, эксплицитно запрещают. Так было, когда ЕЦБ в целях поддержания на плаву ее платежной и финансовой системы декларативно объявил о программе выкупа долговых обязательств Греции. Эта спасательная операция чуть было не сорвалась, поскольку полномочия ЕЦБ проводить ее моментально были оспорены в

судебном порядке. И в Люксембурге, и на национальном уровне. 37 тысяч немецких экспертов, предпринимателей и политиков пытались доказать, что ЕЦБ не вправе финансировать правительства государств-членов [Khan 2016]. Но и политика количественного смягчения, как считает всё та же часть политиков и юридического сообщества, осуществлялась ЕЦБ *extra vires*, т.е. незаконно.

Вместе с тем, всё это цветочки по сравнению с той огромнейшей **работой по расширительному толкованию полномочий ЕС и его институтов, которую** за десятилетия существования интеграционного объединения **провел Суд ЕС**. Им было сделано потрясающе много.

Люксембургский суд провозгласил ЕС самостоятельной правовой системой. Вывел его, в том, что касается отношений внутри ЕС, из-под действия и международного, и национального права. Затвердил в качестве незыблемых постулатов его основополагающие черты и особенности [Европейское 2018].

Он добился того, что право ЕС является интегральной частью внутреннего права государств-членов и пользуется в их правовой системе преимущественной силой. Причем всегда и при любых обстоятельствах. Обосновал и ввел в практику концепцию прямого действия и прямого применения права ЕС во внутреннем праве стран ЕС. Обеспечил юрисдикционную защищенность права ЕС, которая поддерживается совокупной мощью судебных систем всех государств-членов. Иначе говоря, сделал всё для того, чтобы право ЕС стягивало стальным обручем сначала общее экономическое пространство государств-членов, затем социально-экономическое, а сейчас и пространство внутренней безопасности [Европейское 2018].

На протяжении всех этих лет Люксембургский суд неизменно ставил интересы ЕС и цели интеграции выше корыстных интересов отдельных государств. Заставлял их подчиняться общему порядку. Одну за другой закрывал лазейки, позволяющие уклоняться от применения права ЕС как высшего права входящих в Союз национальных государств.

Он придал ЕС совсем другую международную правосубъектность по сравнению с той, которая была прописана первоначально в учредительных договорах. Он предписал всем считать, что ЕС во внешнеэкономической сфере обладает продолжением внутренних полномочий, необходимых для построения общего рынка [Европейское 2018].

На заре осуществления европейского проекта он шаг за шагом признал за Европейским Парламентом все процессуальные и иные права, придающие ему статус полноценного института ЕС. Выравнивал его положение по отношению к Совету ЕС и Европейской Комиссии. Заставил считаться с ним. И только потом начался взлет Европарламента, который государства-члены, уже меняя первичное право ЕС, превратили из консультативного органа в подлинного законодателя интеграционного объединения.

Судебный активизм в исполнении Люксембургского суда нужен и полезен ЕС. Евростроительство без него обходиться не может. Особенно в периоды политической турбулентности, когда политическим институтам ЕС не всегда удается справляться со своими обязанностями двигать вперед интеграционный проект. Поэтому Люксембургский суд остается очень важным скрытым, запасным инструментом упрочения ЕС и расширения его полномочий.

А с учетом многоаспектности компетенции, которой его наделили и продолжают наделять государства-члены – палитрой инструментов обеспечения, обслуживания и углубления интеграции.

В отдельных случаях такую же роль берут на себя высшие национальные судебные инстанции. Так, только благодаря расширительному толкованию, предложенному Федеральным конституционным судом Германии, была преодолена патовая ситуация, в которую ЕС пытались завести приверженцы «абсолютной законности» в деятельности интеграционного объединения и его институтов, в данном случае – ЕЦБ.

Оптимистический прогноз

Период разброда и шатаний в истории ЕС продолжится. Для него это характерно. Последствия многочисленных и крайне тяжелых кризисов, потрепавших его, будут еще долго мучить европейские страны. Европарламент нового созыва почти наверняка окажется менее управляемым, чем сейчас. Но кризисы как таковые ЕС в основном преодолел. У него вновь появился драйв. Он вновь обрел ресурсы, которых еще вчера так не хватало, необходимые для того, чтобы сплотить своих членов, помочь им адаптироваться к изменившимся запросам и состоянию общества, заняться их общим будущим. За него вновь готовы биться интеллектуалы из всех уголков объединения, призывающие защитить его от «еврофобов» и вплотную заняться сглаживанием различий между группами населения, стоящими на разных этажах социальной лестницы [Jofrin 2019; 30 écrivains 2019].

Как мы постарались показать, все возможные и реалистичные сценарии этого будущего связаны с модернизацией ЕС, его переналадкой, его достройкой новыми измерениями сотрудничества, приданием ему большей эффективности и конкурентоспособности на международной арене – т.е. с дальнейшим, далеко идущим углублением интеграции.

Весь необходимый правовой инструментарий для этого у ЕС имеется. Не дожидаясь выхода из своего состава Великобритании, предлагавшей альтернативный путь развития и тормозившей все процессы, Брюссель уже сейчас всё активнее прибегает к его использованию. Трансформация интеграционного объединения фактически началась. Она резко ускорится по завершении «Брекзита».

Выстраивая стратегию отношений России с ЕС и его государствами-членами это обязательно надо учитывать. Как и реальное, а не нафантазированное место ЕС в глобальном балансе сил, о котором так саркастически и в то же время верно, на наш взгляд, шутит Эндрю Моравчик. Позволим себе привести небольшой фрагмент его недавней статьи. Он того заслуживает. Авторитетный исследователь пишет:

«Многие рассматривают Европу как изжившую себя в контексте мировой политики силу. Согласно общепринятой точке зрения, современная мировая политика однополярна, а единственной сверхдержавой являются США. Или, может, она многополярна, ведь Китай, Индия и остальные в состоянии бросить вызов западным державам. В любом случае, роль Европы второстепенна и продолжает уменьшаться. Говорят, Евросоюз слишком слаб, чтобы избежать увядания перед лицом подрывной деятельности России, массовой миграции,

восстаний правых сил, плана выхода Великобритании, медленного роста и почти полного отсутствия расходов на оборону.

Признаки смятения заметить, разумеется, легко. Современная Европа представляет собой полный бардак, а институты и политика ее несовершенны. Некоторые угрозы, с которыми сталкивается ЕС, более чем реальны...

На фоне всех гипербол и истерии упускается основной момент. Сегодня Европа является подлинно уникальной силой и останется такой, скорее всего, на многие десятилетия. Согласно наиболее объективным показателям, она либо может конкурировать, либо превосходит США и Китай в возможностях демонстрировать весь спектр глобальной военной и экономической силы, а также методов невоенного воздействия» [Моравчик 2017].

© Марк ЭНТИН, профессор МГИМО МИД России,
профессор-исследователь БФУ им. И. Канта,

Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ «Высшая школа экономики»,
старший научный сотрудник Института Европы РАН

[*1](#) По мнению отдельных авторитетных специалистов, он наступит намного раньше, нежели многие предсказывают. В Европе его предвестников всё больше. ЕЦБ так и не удалось вернуть доверие к банковской системе. Биржевые котировки европейских банков по состоянию на сегодня примерно вдвое ниже, чем в 2000-м, и вчетверо ниже, чем в 2007 году. Они не выдерживают конкуренции с новыми финансовыми игроками. Их тащат ко дну невозвратные кредиты на сумасшедшую сумму в 1 трлн. евро. Не добавляет уверенности право-популистское правительство в Италии, прошлая риторика которого несла угрозу самому существованию зоны евро. Но наибольшую опасность представляют потрясающе плохие показатели крупнейшего финансового конгломерата Германии – «Дойче банка». Если он рухнет, это станет катастрофой. Не исключено, что потребуются его национализация в той или иной форме. Правовые предписания ЕС подобные меры запрещают. Насмешка истории – они были включены в учредительные договоры по настоянию Бонна [Gave 2018].

[*2](#) До какой степени, показывает следующая цитата: «Пожалуй, никогда за последнюю плюс минус тысячу лет к Соединенному Королевству, естественно, в те давние времена имевшему другое название, не относились так пренебрежительно, как сейчас» [Лондон 2018].

[*3](#) Если верить источникам, которыми пользуются авторы немецкого Фонда Эберта, «нынче лейбористы (снова) сравнялись по популярности с тори, показатель обеих партий находится на уровне около 39 процентов» [Кациоулис Н., Кациоулис Х. 2018].

[*4](#) Согласно тематическому докладу ОЭСР за 2018 год, положение дел в Великобритании хуже, чем в других развитых странах. Производительность труда и экономика в целом не в состоянии выбраться из стагнации по причинам структурного характера. В частности, вследствие «перераспределения рабочей силы из производительных в непроизводительные сектора» [Краснушкина 2018].

[*5](#) По данным российского Forbes, он снизился за год осуществления реформ с 69% на пике популярности до 43% [Шкляров 2018].

[*6](#) Об этом нам говорили все знакомые итальянцы задолго до того, как к аналогичному выводу ни пришли ведущие западные аналитики, ссылающиеся, в том числе на уже появившиеся биографии, как они считают, фактически первого лица итальянской политики по состоянию на сегодняшний и завтрашний день.

[*7](#) Графически все эти кризисы очень наглядно переданы в публикациях И.Н. Тимофеева.

[*8](#) Согласно страновому отчету МВФ по Греции за 2018 год, первичный профицит ее бюджета (до выплат по внешним долгам) уже составил 4,2% против запланированных 1,7%. В июле 2017 г. страна вернулась на рынок внешних заимствований, разместив пятилетние облигации на 3 млрд долл. под 4,4%, и продемонстрировала устойчивый рост экономики. В случае продолжения реформ теоретически она какое-то время сможет удержаться наплаву без внешней помощи.

[*9](#) Правда, гибнет в водах Средиземного моря ничуть не меньше вопреки уверениям ЕС в том, что их спасение является его приоритетом. Так, по официальным данным, только за июнь-июль 2018 г. число утонувших пополнили свыше 721 человека [Nielsen 2018].

[*10](#) Лично мы придерживаемся противоположной точки зрения, но многие уважаемые западные экономисты, историки и политологи продолжают настаивать на том, что иначе санацию деградирующей экономики и упорядочение ничем не обоснованных расходов и расточительного образа жизни никак нельзя было провести [Hien, Joerges 2017].

[*11](#) А не наоборот, как утверждают отдельные российские комментаторы, в частности, обозреватель «Новой газеты» Юлия Латынина. В откровенно эпатажном стиле она пишет: «Западным миром правят левые элиты. Эти левые элиты являются носителями квазисоциалистических идей... ушли левее даже среднестатистического избирателя... стали последовательно отстаивать любую идею, которая ведет к разрушению классического буржуазного государства. На глазах своих избирателей они стали конструировать системы, где а) правят чиновники, которых никто не избирает, и б) где исход выборов будет решаться за счет имамов, приказывающих своей пастве беженцев голосовать за леваков, так, как это происходило в пригороде Брюсселя Моленбеке. Это и породило протест того самого массового избирателя. Начался Трамп. Начался Брекзит. В Италии «Пять звезд» получили большинство на выборах, после чего Италия закрыла для беженцев все свои порты. Что такое популизм? Это охлократия минус социализм» [Латынина 2018].

[*12](#) Выступает за более репрессивную политику в отношении преступников и нелегальных мигрантов, существенное сокращение принимаемых беженцев, ограничение возможностей родственников воссоединяться с ними, сдерживание наднациональных амбиций ЕС, за запрет на усыновление детей однополыми парами и одинокими людьми, в целом за возрождение протестантской этики и традиционного семейного уклада.

[*13](#) В частности по подсчетам Алана Позенера, «Евроскептические партии или формируют правительства, или участвуют в таковых в Болгарии, Италии, Греции, на Мальте, в Австрии, Польше, Словакии, Чехии и Венгрии».

[*14](#) К тому же очень влиятельные силы внутри ЕС стремятся сделать его запретительно поучительным. Вот как эту ситуацию оценивают те, кто занимаются серьезной, а не балаганной аналитикой: «... евросоюзовское начальство хочет максимально осложнить жизнь Британии после брексита, чтобы другим на его примере было неповадно выходить из объединенной Европы» [Лондон 2018].

[*15](#) Что особенно актуально с учетом попыток активизации и объединения право-популистских движений европейских стран в преддверии выборов, в том числе усилиями американских НКО [Селимова 2018].

[*16](#) Расхожее мнение немецких аналитиков, да и многих других: «Фракция консерваторов глубоко расколота по этому вопросу, но из-за страха перед досрочными выборами и возможной победой на них Корбина пока что поддерживает премьер-министра» [Кациоулис Н., Кациоулис Х. 2018].

[*17](#) Статья 1 Соглашения о ЕПС предусматривает: «A Unified Patent Court for the settlement of disputes relating to European patents and European patents with unitary effect is hereby established. The Unified Patent Court shall be a court common to the Contracting Member States and thus subject to the same obligations under Union law as any national court of the Contracting Member States» [Agreement, 2013].

Список литературы / Références

Ананьева Е.В. 2018. Ультиматумы и компромиссы Терезы Мэй. *Аналитическая записка Института Европы РАН*. М. №30 (126). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an126.pdf> [Anan'eva E.V. Ul'timatumy i kompromissy Terezy Mej. *Analiticheskaya zapiska Instituta Evropy RAN*. 2018. №30 (126)].

Бабынина Л.О. 2014. Применение продвинутого сотрудничества - новый тренд развития Европейского Союза. *Вестник МГИМО-Университета*. №4(37). С. 148-154. [Babynina L.O. Primenenie prodvinutogo sotrudnichestva - novyj trend rasvitiya Evropejskogo Soyuz. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014. №4(37). P. 148-154].

Белов В.Б. 2018. Миграционный кризис в Германии и Евросоюзе - сложный поиск путей решения. *Аналитическая записка Института Европы РАН*. М. №29 (125), М. <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an125.pdf> [Belov V. B. Migratzionnyj kriziz v Germanii i Evrosoyuze - slojnyj poisk putej resheniya. *Analiticheskaya zapiska Instituta Evropy RAN*. 2018. №29 (125). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an125.pdf>].

Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. 2018. *Доклад Института Европы РАН*. М. №351. [Budushee Evropy: global'nye vyzovy i vozmojnye otvety. 2018. *Doklad Instituta Evropy RAN*. No. 351].

Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. 2017. *Доклад Института Европы РАН*. М.

№347. [Vyborny vo Frantsii 2017 g.: itogi i perspektivy. *Doklad Instituta Evropy RAN*. 2017. No. 347].

Германия: 2017. 2018. *Доклад Института Европы РАН*. М. №354. [Germaniya: 2017. 2018. *Doklad Instituta Evropy RAN*. 2018. No. 354].

Алексей Громыко А. Ан. 2018. Политический ландшафт Европы. Грозит ли ЕС геополитическое одиночество? *Аналитическая записка Института Европы РАН*. М. №28 (№124). <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an124.pdf> [Gromyko A. An. Politicheskij landshaft Evropy. Grozit li ES geopoliticheskoe odinochestvo? *Analiticheskaya zapiska Instituta Evropy RAN*. 2018. №28 (№124)].

Громыко А. Ан. 2017. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности. *Современная Европа*. №2. С. 6-17. [Gromyko A. An. Evropejskie issledovaniya: dilemmy universal'nosti i unikal'nosti. *Sovremennaya Evropa*. 2017. No. 2. P.6-17].

Едовина Т. 2018. Бремя на вырост. Успешные реформы временно избавят Грецию от долговых проблем. *Коммерсантъ*. 01.08. <https://www.kommersant.ru/doc/3701719> [Edovina T. Bremia na vyrast. Uspeshnye reformy vremenno izbaviat Gretziu ot dolgovyh problem. *Kommersant*, 01.08.2018].

Европа 2017: партии, выборы, власть. 2018. *Доклад Института Европы РАН*. М. №353. [Evropa 2017: partii, vyborny, vlast'. *Doklad Instituta Evropy RAN*. 2018. No. 353].

Европа XXI века. 2017. *Новые вызовы и риски*: (монография). М., СПб.: Нестор-История. 584 с. [Evropa XXI veka. *Novye vyzovy i riski*. М., SPb.: Nestor - Istoriya. 2017. 584 p.].

Европейские исследования в России (1992-2017). 2017. Томск: Изд-во Томского университета. 464 с. [Evropejskie issledovaniya v Rossii (1992-2017). Tomsk: Isd-vo Tomskogo universiteta. 2017. 464 p.].

Европейское право. 2018. *Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза*. В 2-х томах. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. [Evropejskoe pravo. *Osnovy integratziionnogo prava Evropejskogo Soyuza i Evazijskogo ekonomicheskogo Soyuza*. V 2-gh tomagh. М.: Norma: INFRA-M. 2018.].

Кавешников Н.Ю. 2016. Четыре сценария европейской интеграции. *Аналитическая записка РСМД*. 19.04. <http://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/chetyre-stsenariya-evropeyskoy-integratsii/> [Kaveshnikov N. U. Chetyre stzenariya evropejskoj integratzii. *Analiticheskaya zapiska RSMD*. 19.04.2016].

Кациоулис Н., Кациоулис Х. 2018. Матушка Мэй. Хаос в среде британских тори может не только усилить позиции Мэй, но и затруднить положение лейбористов. *IPG - Международная политика и общество*. 12.07. <https://www.ipg-journal.io/regiony/evropa/statja/show/matushk-mehi-576/> [Katzioulis N., Katzioulis Ch. Matushka Mej. Haos v srede britanskih tori mojet ne tol'ko usilit' pozitzii Mej, no i zatrudnit' polojenie lejboristov. *IPG - Mejdunarodnaya politika I obshestvo*. 12.07.2018].

Краснушкина Н. 2018. Британскую производительность испортили услуги. В ОЭСР нашли

причины ее стагнации. *Коммерсантъ*. 10.08. <https://www.kommersant.ru/doc/3708888> [Krasnushkina N. Britanskuyu proizvoditel'nost' isportili uslugi. V OESR nashli prichiny eye stagnatzii. *Kommersant*. 10.08.2018].

Латынина Ю. Л. 2018. Марш бюрократов. Что стоит за правительственным кризисом в Великобритании и реформой Евросоюза. *Новая газета*. 14.07. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/14/77153-marsh-byurokratov> [Latynina U.L. Marsh burokratov. Chto stoit za pravitel'stvennym krizisom v Velikobritanii I reformoi Evrosoyuza. *Novaya gazeta*. 14.07.2018].

Лондон - Вашингтон: «особые отношения», в которых нет ничего особенного. 2018. *EurAsia Daily*. 17.07. <https://eadaily.com/ru/news/2018/07/17/london-vashington-osobyie-otnosheniya-v-kotoryh-net-nichego-osobennogo> [London - Vashington: "osobyie otnosheniya", v kotoryh net nichego osobennogo. *EurAsia Daily*. 17.07.2018].

Моравчик Э. 2017. Европа остается силой, не имеющей себе равных. И так будет еще десятки лет. *Россия сегодня, ИноСМИ.ру*. 13.04. (Перепечатка из Andrew Moravcsik. Europe is Still a Superpower. And it's going to remain one for decades to come. *Foreign Policy*. 13.04.2017. <https://foreignpolicy.com/2017/04/13/europe-is-still-a-superpower/>) <https://inosmi.ru/politic/20170420/239184355.html> [Moravchik A. Evropa ostaetsya siloj, ne imeyushej sebe ravnyh. I tak budet eshio desiatki let. *Rossia segodnia, InoSmi.ru*. 13.04.2017].

Мурашов А. 2018. О нашем будущем неединичестве. *Россия в глобальной политике*. 13.07. <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/O-nashem-buduschem-neodinochestve-19677> [Murashov A. O nashem budushem neodinochestve. *Rossiya v global ' noy politike*. 13.07.2018].

Познер А. 2018. Европа без европейцев. *Россия сегодня, ИноСМИ.ру*. 21.05. (Posener A. Europa ohne Europäer. *De Welt*. 15.05.2018. https://www.welt.de/print/welt_kompakt/debatte/article176362474/Leitartikel-Europa-ohne-Europaeer.html) <https://inosmi.ru/politic/20180521/242233648.html> [Pozener A. Evropa bez evropejtzev. *Rossiya segodnia, InoSmi.ru*. 21.05.2018].

Попов В. 2019. Почему Евросоюз ждут суровые испытания. Центробежные тенденции в ЕС усиливаются. *Независимая газета*. 11.02. С. 7. [Popov V. Pochemu Evrosoyuz jdut surovyie ispytaniya. 11.02.2019. P. 7.]

Селимова Ф.А. 2018. Националисты Европы, объединяйтесь! Бывший главный стратег Дональда Трампа задумал право-популистское восстание в Старом Свете. *Независимая газета*. №151 (7343). 25.07. С. 6. [Selimova F.A. Natsionalisty Evropy, ob'edinyaites'! *Nezavisimaya gazeta*. No. 151 (7343). 25.07.2018. P. 6].

Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. 2018. Возвращение Старого Света и будущее международного порядка в Евразии. *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. Май. <http://ru.valdaiclub.com/files/20317/> [Silaev N.U., Sushentzov A.A. Vozvrashenie Starogo Sveta i budushee mejdunarodnogo poriadka v Evrazii. *Doklad Mejdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj"*. Maj 2018].

Спартак А. 2019. Мировая экономика в 2019 году: откуда ждать «черных лебедей». Новые

риски для глобального экономического развития. *Независимая газета*. 19.02. С. 8. [Spartak A. *Mirovaya ekonomika v 2019 godu: otkuda jdat' "chernyh lebedei"*. *Novaya gazeta*. 19.02.2019. P. 8.]

Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть I. 2017. *Доклад Института Европы РАН*. М. №340. [Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskih dogovorov. Chast' I. *Doklad Instituta Evropy RAN*. 2017. No. 340].

Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Часть II. 2017. *Доклад Института Европы РАН*. М. №341. [Sovremennaya Evropa: 60 let posle Rimskih dogovorov. Chast' II. *Doklad Instituta Evropy RAN*. 2017. №341].

Тимофеев И.Н. 2018. Разбалансированная Европа и новый порядок на пространстве ОБСЕ. *Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. Апрель. <http://ru.valdaiclub.com/files/19898/> [Timofeev I.N. Razbalansirovannaya Evropa i novyj poriadok na prostranstve OBSE. *Doklad Mejdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj"*. Aprel 2018].

30 лет думаем и говорим о Европе. 2017. *Российская Академия Наук*. 09.11. <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=0816764a-cb8e-474b-aa5d-b59fad24488d> [30 let думаем i govorim o Evrope. *Rossiyskaya Akademiya Nauk*. 09.11.2017].

Шкляр В.В. 2018. Как правильно понимать обрушение рейтинга Путина. *Независимая газета*. №151 (7343). 25.07. С. 3. [Shklyarov V.V. Kak pravil'no ponimat' obrushenie reitinga Putina. *Nezavisimaya gazeta*. No. 151 (7343). 25.07.2018. P. 3].

Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2018. *В поисках партнерских отношений – VII : Россия и Европейский Союз в 2017 – первой половине 2018 годов: Научная монография*. М.: Изд-во «Зебра Е». 2018. 816 с. [Entin M.L., Entina E.G. V poiskah partnerskih otnoshenij – VII: Rossiya i Evropejskij Soyuz v 2017 – pervoy polovine 2018 godov. M.: "Zebra - E". 2018. 816 p.].

Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2017. От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*. №12. Т. 61. С. 5-17. [Entin M.L., Entina E.G. Ot mirovogo liberal'nogo poriadka k normalizatzii mejdunarodnyh otnoshenij. *Mirovaya ekonomika i mejdunarodnye otnosheniya*, 2017. No. 12. T. 61. P. 5-17].

Эра Меркель приходит к концу: немецкие СМИ ставят крест на карьере канцлера. 2018. *Информационное агентство «Новостной фронт»*. 26.09. <https://news-front.info/2018/09/26/er-merkel-podhodit-k-kontsu-nemetskie-smi-stavyat-krest-na-karere-kantslera/> [Era Merkel' prighodit k kontsu: nemetskie SMI stavyat krest na kar'ere kantslera. *Informatsionnoe agentstvo "Novostnoi front"*. 26.09.2018].

Administrative structure of the European Union: official titles and listing order. 2018. *Europa Interinstitutional style guide*. <http://publications.europa.eu/code/en/en-390500.htm>

Agreement on a Unified Patent Court. 2013. 2013/C 175/01. *Eur-Lex*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A42013A0620%2801%29>

Barnier: U.K. Can't Have an "A La Carte" Transition. 2017. *Bloomberg*, 20.12. <https://www.bloomberg.com/news/videos/2017-12-20/eu-s-barnier-rules--ut-a-la-carte-u-k-transition-video>

Berretta E. 2019. Européennes : à quoi pourrait ressembler le futur Parlement ? Selon une étude menée par Kantar Public et le Parlement européen, les futures élections ne devraient pas bouleverser le paysage politique. *Le Point*. 18.02. https://www.lepoint.fr/politique/emmanuel-berretta/europeennes-a-quoi-pourrait-ressembler-le-futur-parlement-18-02-2019-2294245_1897.php

Bershidsky L. 2017. Juncker Wants a U.S. of Europe. Does Anyone Else? The European Commission president sees an opportunity for a radical federalist push, but few national leaders will agree. *Bloomberg*. 13.09. <https://www.bloomberg.com/view/articles/2017-09-13/juncker-wants-a-u-s-of-europe-does-anyone-else>

Boutelet C. 2019. Berlin prêt à abaisser fortement sa prévision de croissance. *Le Monde. Economie & Entreprise*. 27-28.01. P. 3.

Catalan separatists stage mass protest in Barcelona. 2019. *BBC News*. 16.02.2019. <https://www.bbc.com/news/world-europe-47268020>

Chaillot Luc. 2019. Non, la France n'abandonne pas son siège permanent à l'Onu. *Ledauphine.com*. 21.01. <https://www.ledauphine.com/france-monde/2019/01/21/non-la-france-n-abandonne--as-son-siege-permanent-a-l-onu>

Charrel M. 2019. La BCE préoccupée par le ralentissement en Europe. *Le Monde. Economie & Entreprise*. 26.01. P. 3.

Civil war breaks out on Germany's centre-right. A battle over immigration pits Angela Merkel against Bavarian conservatives. 2018. *The Economist*. 14.06. <https://www.economist.com/kaffeeklatsch/2018/06/14/civil-war-breaks-out-on-germanys-centre-right>

Collomp F. 2019. Quand la BBC songe à s'installer à Bruxelles. *Le Figaro*. 26-27.01. P. 26.

Cuddy A. 2018. Merkel and Macron agree on Eurozone budget. *Euronews.com*. 19.06. <http://www.euronews.com/2018/06/19/watch-live-macron-and-merkel-address-the-press-after-eu-reform-talks>

D'Orcival. 2019. L'Europe ne fait plus peur. *Le Figaro Magazine*. 25.01. P. 39.

Economic and monetary affairs. 2018. *European Commission*. https://europa.eu/european-union/topics/economic-monetary-affairs_en

Emmanuel Macron calls for 'EU renaissance' ahead of polls. 2019. *BBC.com*. 05.03. <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-47444299>

Entin M., Entina E. 2017. European Union is Back in the Game. *Analytical article of the Russian International Affairs Council*. 01.11. <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/european-union-is-back-in-the-game/>

European economy explained. 2018. *European Commission*. https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/european-economy-explained_en

Fritz M. 2018. European Union and Japan ink free trade agreement. *USA Today*. 17.07. <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/07/17/eu-japan-free-trade-agreement/791125002/>

- Future of Europe: President Juncker creates Task Force on 'doing less more efficiently'. 2017. *European Commission - Press release*. Brussels. 14.11. http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-4621_en.htm
- Gall L. 2019. EU's chance to step up on Hungary and Poland. *EU Observer*. 18.02. <https://euobserver.com/opinion/144160>
- Gave Ch. 2018. Vous savez quoi? J'ai la trouille. *IDL*. 04.06. <http://institutdeslibertes.org/vous-savez-quoi-jai-la-trouille/>
- Gomart Th.: 2019. «Nous vivons un moment machiav élien». Selon le directeur de l'Ifri, l'effolement du monde se ressent davantage sur le continent européen qu'ailleurs. *Le Figaro*. 26-27.01. P. 7.
- Hien J., Joerges Ch., ed. 2017. *Ordoliberalism, Law and the Rule of Economics*. Hart Publishing.
- Janes K.A. 2018. How Europe beat the financial crisis - and the risks it still faces. *World Economic Forum*. 17.04. <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/how-europe-beat-the-financial-crisis-and-the-risks-it-still-faces/>
- Japan-EU Economic Partnership Agreement (EPA). 2018. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 23.07. https://www.mofa.go.jp/policy/economy/page6e_000013.html
- Joffrin L. 2019. La paix ne siffit plus (éditorial). *Libération*. 26-27.01. P. 6.
- Jones G. 2018. Italy's new government is no threat to euro, eurosceptic senator says. *Reuters*. 27.06. <https://www.reuters.com/article/us-italy-euro/italys-new-government-is-no-threat-to-euro-eurosceptic-senator-says-idUSKBN1JN1EI>
- Kagan R. 2019. "Trump transforme les Etats-Unis en une super-puissance voyou". *Le Monde*. 27-28.01. P. 17.
- Kaveshnikov N.U. 2016. Four Scenarios for European Integration. *Policy brief of the Russian International affairs Council*. April 2016. No. 2. <http://russiancouncil.ru/en/activity/policybriefs/chetyre-stsenariya-evropeyskoy-integratsii/>
- Katsioulis Ch. 2018. Decided not to decide. After long debate at its party conference, Labor keeps all options on the table when it comes to Brexit. *International Politics and Society*. 27.09. <https://www.ips-journal.eu/regions/europe/article/show/decided-not-to-decide-3001/>
- Kazatchkine N. 2019. Hungarians have taken to the streets - now will EU act? *EU Observer*. 30.01. <https://euobserver.com/opinion/144033>
- Khan M. 2016. German high court rejects case against ECB crisis tool. *Financial Times*. 21.06. <https://www.ft.com/content/ac3a89c2-f382-388f-b4e6-d1b657361db8>
- Khan Sh. 2019. France accuses Italy of 'unacceptable provocation' after deputy PM meets yellow vest leaders. *Independent*. 07.02. <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/france-ital-luigi-di-maio-christophe-chalencon-yellow-vest-gilet-jaunes-a8766966.html>
- Krugman P. 2019. The sum of some global fears. *The New York Times International Edition*. 26-

27.01. P. 11.

Lepage He. 2019. Davos: les analyses à côté de la plaque. Davos: les conséquences de la mondialisation financière n'apparaissent nulle part. *Contrepoints*. 16.02. <https://www.contrepoints.org/2019/02/16/337269-davos-les-elites-economiques-mondiales-a-cote-de-la-plaque>

Lévy. B.-H. 2019. Le projet européen peut se fracasser. *Libération*. 26-27.01. P. 4.

Macron Emmanuel. 2019. For European renewal. 04.03. <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/03/04/for-european-renewal.en>

Macron, un an après: le politologue Jérôme Fourquet a répondu à vos questions. 2018. *Le Monde.fr*. 07.05. https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/live/2018/05/07/macron-un-an-apres-posez-vos-questions-au-politologue-jerome-fourquet_5295348_5008430.html

Managing migration: Commission expands on disembarkation and controlled centre concepts. 2018. *European Commission, Migration and Home Affairs*. 24.07. https://ec.europa.eu/home-affairs/news/managing-migration-commission-expands-disembarkation-controlled-entre-concepts_en

Mercator European Dialogue Briefing Notes "Europe: The Journey Ahead". 2017. Berlin. 12-13.05.

Nielsen N. 2018. EU set to restrict refugee resettlement options. *EU observer*. 24.07. <https://euobserver.com/migration/142453>

No consensus on Commission plan to end tax veto. *EU Observer*. 12.02.2019. <https://euobserver.com/tickers/144150>

Ophüls L., Sigmund T., Hildebrand J. 2018. Merkel reaches out to Macron on EU reforms. In her first detailed response to Emmanuel Macron's euro-zone ideas, the German chancellor blends caution and compromise: Yay to a Euro-IMF and deeper common defense, nay to Italian debt relief. *Handelsblatt Global*. 04.06. <https://global.handelsblatt.com/politics/merkel-reaches-out-to-macron-on-eu-reforms-euro-zone-germany-france-esm-imf-931050>

[Orihuela](#) R. 2019. Spain's Sanchez Calls Snap Election April 28 After Stalemate. *Bloomberg*. 15.02. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-02-15/spain-s-sanchez-calls-snap-election-or-april-28-after-stalemate>

Parker Ge., Giles Ch. 2018. Teresa May to send ministers across EU to sell Brexit plan. *Financial Times*. 22.07. <https://www.ft.com/content/95799eb0-8d93-11e8-b639-7680cedcc421>

Payne S. 2018. The party might at last be over for Ukip. The populists have done their job and no longer have a role in British politics. *Financial Times*. 22.01. <https://www.ft.com/content/cff64e3c-ff84-11e7-9650-9c0ad2d7c5b5>

Permanent Structures Cooperation (PESCO) – Factsheet. 2018. *European Union External Action*. 28.06. [https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20\(PESCO\)%20-%20Factsheet](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34226/Permanent%20Structured%20Cooperation%20(PESCO)%20-%20Factsheet)

- Perrin N. 2019. La Zone euro en voie de japonisation ? La japonisation avec des taux éternellement bas ou la faillite : ce sont les deux perspectives à l'horizon pour l'Eurozone. *Contrepoints*. 15.02. <https://www.contrepoints.org/2019/02/15/337206-la-zone-euro-en-voie-de-japonisation>
- Pickard J. 2018. Teresa May tries to revive Brexit plan amid Conservative onslaught. *Financial Times*. 15.07. <https://www.ft.com/content/d1cb4548-874f-11e8-b18d-0181731a0340>
- Report on the Task Force on Subsidiarity, Proportionality and 'Doing Less More Efficiently': "Active Subsidiarity. A new way of working". 2018. *European Commission*. 10.07. https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/report-task-force-subsidiarity-proportionality-and-doing-less-more-efficiently_en.pdf
- Rettman A. 2013. Netherlands attacks 'creeping' EU powers. *EU observer*. Brussels. 22.06. <https://euobserver.com/institutional/120602>
- Reynolds J. 2018. Matteo Salvini: Can Italy trust this man? *BBC News*. 05.08. <https://www.bbc.co.uk/news/world-europe-44921974>
- Rouban L. 2019. A qui profite vraiment la crise des Gilets jaunes ? *Le Point*. 30.01. https://www.lepoint.fr/politique/a-qui-profite-vraiment-la-crise-des-gilets-jaunes-30-01-2019-2289927_20.php
- Saviano R. 2019. La paix, le plus grand patrimoine de cette Europe. *Libération*. 26-27.01. P. 5.
- Scenario 3 of the White Paper on the Future of Europe: Those Who Want More Do More. 2018. *European Commission*. 09.03. https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/enhance-cooperation-factsheet-tallinn_en.pdf
- Security Union: Political Agreement reached on a stronger Schengen Information System. 2018. *European Commission, Migration and Home Affairs*. 12.06. https://ec.europa.eu/home-affairs/news/security-union-political-agreement-reached-stronger-schengen-information-system-sis_en
- Seven MPs leave Labour Party in protest at Jeremy Corbyn's leadership. 2019. *BBC News*. 18.02. <https://www.bbc.com/news/uk-politics-47278902>
- State of the Union 2017. 2017. *European Commission*. 13.09. https://ec.europa.eu/commission/priorities/state-union-speeches/state-union-2017_en
- Strzelecki M., Moskwa W. 2018. How to Understand Poland's Battles with the EU. *Bloomberg*. 09.07. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-06/how-to-understand-poland-s-battles-with-the-eu-quicktake>
- Stumpf P.B. 2018. Article 7 against Hungary: Not-So-Complete Defeat of Viktor Orban. *4liberty.eu*. 25.09. <http://4liberty.eu/article-7-against-hungary-not-so-complete-defeat-of-viktor-orban/>
- Subsidiarity and Proportionality. Task Force on 'Doing Less, More Efficiently' presents recommendations on a new way of working to President Juncker. 2018. *European Commission*. 10.07. https://ec.europa.eu/commission/news/subsidiarity-and-proportionality-2018-jul-10_en

The EU-Japan agreement explained. 2018. *European Commission*. <http://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/eu-japan-economic-partnership-agreement/agreement-explained/>

'They want to wreck Corbyn's chance of being PM' - Galloway on quitting Labour MPs. 2019. *RT*. 19.02. <https://www.rt.com/uk/451764-galloway-labour-mps-resignations/>

Treaty Establishing the ESM, signed on 2 February 2012 - consolidated version following Lithuania's accession. 2018. *European Stability Mechanism*. <https://www.esm.europa.eu/legal-documents/esm-treaty>

30 écrivains alertent. 2019. Manifeste "Il y a le feu a la maison Europe". *Libération*. 26-27.01. P. 1-5.

Vignaud M. 2019. La Cour des comptes s'inquiète de l'état «préoccupant» des finances publiques. *Le Point*. 06.02. https://www.lepoint.fr/economie/la-cour-des-comptes-s-inquiete-de-l-etat-preoccupant-des-finances-publiques-06-02-2019-2291670_28.php

White paper on the future of Europe and the way forward. Reflections and scenarios for the EU27. 2017. *European Commission*. 01.03. https://ec.europa.eu/commission/white-paper-future-europe-reflections-and-scenarios-eu27_en

Zalan E. 2018. EU wants answers to de-dramatise Brexit talks. *EU observer*. 20.07.2018. <https://euobserver.com/uk-referendum/142433>

Zalan E. 2019. Sluggish procedure against Hungary back on table. *EU Observer*. 15.02. <https://euobserver.com/political/144183>

* Совместный проект с Институтом Европы РАН и журналом «Современная Европа»